

КН. ГРИГОРІЙ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ ПОТЕМКИНЪ-ТАВРИЧЕСКІЙ

1739—1791.

Исполнительная личность Потемкина резко выдѣляется изъ сонма сподвижниковъ Екатерины II. Его умъ, дарованія, способности, разнообразная дѣятельность во всѣхъ правительственныхъ сферахъ, гигантскіе замыслы и подвиги, наконецъ самый складъ характера, сотканнаго изъ противорѣчій,— все своеобразно и необычайно въ этомъ баловнѣ счастья. Почти двадцать лѣтъ (1773 — 1791) Потемкинъ — по выраженію Державина — „былъ наперсникомъ сѣверной Минервы“ и этотъ періодъ былъ самымъ блестящимъ ея царствованія. Смерть застигла Потемкина въ цвѣтѣ мужества, но сразила его кстати, въ то время, когда звѣзда его уже достигла своего поворотнаго круга. Потемкинъ не пережилъ своей славы: смерть въ степи, близъ Новороссійскаго края, призваннаго въ жизни княземъ Таврическимъ, достойно завершила земное поприще человѣка, которому въ близкомъ будущемъ, безъ малѣйшаго сомнѣнія, грозила опала, можетъ быть даже ссылка... Опала разразилась надъ гробницею Потемкина; злоба и ненависть заровняли могильную насыпь надъ его останками, но не такъ легко было истребить память о немъ, и время оправдало вѣщія слова Державина:

Въ пылу героевъ попирають!
Героевъ? Нѣтъ! но ихъ дѣла
Изъ мрака и вѣковъ блистають!

Отдавая Потемкину должную справедливость, Екатерина, однако же, не увѣковѣчила подвиговъ князя Таврическаго памятникомъ въ Петербургѣ, или въ Царскомъ Селѣ,— ни при его жизни, ни послѣ смерти — но, при всемъ томъ, подобно Суворову, Потемкинъ живетъ въ памяти народной и долго будетъ жить въ преданіяхъ русской

земли. Донинѣ у насъ еще нѣтъ надлежащей біографіи Потемкина, точно также какъ и исторіи Екатерицы. Потемкину еще не отведено мѣсто по заслугамъ въ отечественной исторіи и всѣ его біографіи, до сихъ поръ напечатанныя, можно назвать только болѣе или менѣе неудачными попытками. „Жизнь и дѣянія князя Потемкина-Таврическаго“. Спб., 1811 г. 2 части; также „Жизнь Потемкина“ описанная его племянникомъ, гр. Самойловымъ, — восторженный панегирикъ; біографіи, составленныя Бантышъ-Каменскимъ, — формулярные списки, подцвѣченные риторикой. За симъ слѣдуютъ статьи біографическихъ словарей; сборники анекдотовъ, до крайности избитыхъ, если они правдивы, и болшею частью вымышленныхъ, если только въ нихъ находится что-нибудь новое. Существуетъ множество отрывчатыхъ свѣдѣній о Потемкинѣ, разбросанныхъ по журналамъ и газетамъ тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ. Не говоримъ о сочиненіяхъ иностранцевъ: за исключеніемъ Гельбига и Массона — онѣ болшею частью переполнены клеветами и напраслинами, либо носятъ на себѣ отпечатокъ памфлета, или пасквиля.

Разработка отечественной исторіи XVIII столѣтія началась у насъ не болѣе пятнадцати лѣтъ тому назадъ. Смягченія ценсурнаго гнета вызвали изъ-подъ спуда множество архивныхъ документовъ и способствовали обнародованію фактовъ, донинѣ сохранявшихся въ болѣе или менѣе искаженныхъ устныхъ преданіяхъ. Стремленіе публики къ изученію исторіи, помимо обнародованія воспоминаній, записокъ, дневниковъ, вызвало нѣсколько повременныхъ историческихъ изданій, посвященныхъ собиранію и разработкѣ отечественныхъ историческихъ матеріаловъ. Изъ нихъ, кн. Потемкина — выпала значительная доля: такъ напримѣръ, въ Сборникѣ Русскаго Историческаго Общества и въ Запискахъ Одесскаго Общества Исторіи, будущій біографъ князя Таврическаго найдетъ много важныхъ, первичныхъ свѣдѣній. Вообще число обнародованныхъ данныхъ къ жизнеописанію Потемкина значительно и болѣе увеличивается.

Не задаемся мыслію составленія біографіи Потемкина, но, приступая къ печатанію значительнаго собранія разнообразныхъ документовъ, до него относящихся, признаемъ необходимымъ представить эти матеріалы въ рамкѣ изъ фактовъ его жизни, съ указаніемъ, по мѣрѣ возможности и надобности, на противорѣчія и нѣкоторыя погрѣшности біографовъ. Документы, печатаемые нами, знакомятъ, какъ съ нѣсколькими новыми сторонами государственной дѣятельности Потемкина, такъ и съ нѣкоторыми нравственными его чертами и отношеніями къ современникамъ. Въ этихъ бумагахъ, впервые нами обнародуемыхъ, видны проблески высокихъ свойствъ и оттѣнки слабостей, присущихъ человѣку, но въ тѣхъ и въ другихъ видна мощная, ши-

рокая натура человѣка необыкновеннаго. Повторяемъ, нашъ біографическій очеркъ служить только нитью, связующею документы въ хронологической послѣдовательности.¹⁾

Ред.

I.

Въ царствованіе Анны Іоанновны, въ собственномъ пензенскомъ помѣстьи, сельцѣ «Маншина», проживалъ отставной армейскій подполковникъ Александръ Васильевичъ Потемкинъ.²⁾

Одинъ изъ его предковъ, Петръ Ивановичъ, окольникій двора царя Ѳедора Алексѣевича и одинъ изъ просвѣщеннѣйшихъ русскихъ людей, въ 1668—1681 гг. былъ нашимъ посланникомъ въ Мадридѣ, въ Парижѣ, въ Лондонѣ и въ Копенгагенѣ. Внукъ Петра Ивановича не выдѣлился изъ ряда посредственностей, а отецъ князя Таврическаго, Александръ Васильевичъ, современникъ и годами почти ровестникъ Петра Великаго, зоркаго на-

¹⁾ Приступая къ нашему очерку, считаемъ не лишнимъ напомнить читателямъ о нѣкоторыхъ болѣе важныхъ свѣдѣніяхъ о кн. Г. А. Потемкинѣ, которыя были напечатаны въ «Русской Старинѣ» въ теченіе ея перваго пятилѣтія: Семейныя свѣдѣнія (1872 г., т. V, стр. 463—468). Отношенія Потемкина къ его матери (1871 г., т. III, стр. 40). Письма къ нему Румянцова, 1774—1779 (1873 г., т. VIII, 720—722). Письма А. А. Безбородко (т. VIII, 732, 733, 887—889). Участіе въ войнѣ, 1784. Месть Денисову за дядю (т. X, 19—22, 34—35). Разказы о Потемкинѣ (X, 153, 154, 157). Приказъ по войскамъ. Письмо къ Екатеринѣ II и записка объ одеждѣ и вооруженіи силъ, 1783 (т. VIII, 722—728). Письмо П. С. Потемкина (1870 г., т. II, 403—404). Отзывъ о Потемкинѣ кн. М. М. Щербатова (1871 г., т. III, 678—681). Устроенные ямъ въ Бѣлоруссіи заводы (1872 г., т. IV, 106). Ссора съ З. Г. Чернышевымъ (IV, 116—117). Разказъ о Потемкинѣ (VII, 262—263). Покровительство П. Б. Пассеку (IV, 218, 219). Покровительство кн. А. И. Горчакову (1872 г., т. V, 144). Основаніе Херсона (т. V, 223). Выговоръ отъ императрицы (т. V, 142). Переписка съ великимъ княземъ Павломъ Петровичемъ (т. VIII, 666, 668, 864—866). Кончина Потемкина (1870 г., т. II, 129—130). Кромъ того, любопытныя о немъ свѣдѣнія въ «Запискахъ Волотова» (т. IV, въ приложеніи, часть XXIII. Письма 235—240; томъ VIII, часть XXVII. Письма 213—232, анекдоты о Потемкинѣ) и въ Запискахъ Добрынина 1780 г. (Рус. Ст. т. IV, стр. 114—118 о пребываніи Екатерины II въ Могилевѣ).

²⁾ Съ первыхъ же строкъ нашего очерка приходится указывать на различія біографовъ Потемкина. Бантышъ-Каменскій («Биографіи генералисимусовъ» и т. д. Спб., 1840 г., часть II стр. 56) называетъ отца Потемкина отставнымъ гарнизоннымъ майоромъ; то же и у Гельбига (Russische Günstlinge, Та-

ходчика и цѣнителя способныхъ людей, не обратилъ на себя особеннаго его вниманія, такъ какъ, за исключеніемъ личной храбрости, иными дарованіями не отличался; онъ участвовалъ во многихъ сраженіяхъ, бывалъ раненъ и, при всемъ томъ, въ теченіе слишкомъ тридцати лѣтъ едва дослужился до чина арміи подполковника. Безуспѣшность служебнаго поприща Александра Потемкина объясняется отчасти его характеромъ: онъ былъ человѣкъ тяжелый и своенравный. Желая подать въ отставку за ранами, Потемкинъ, согласно узаконеніямъ того времени, явился въ военную коллегію на освидѣтельствованіе. Снимая мундиръ, онъ, въ числѣ предсѣдательствовавшихъ членовъ, узналъ унтер-офицера, когда-то служившаго у него въ ротѣ, въ бытность его въ капитанскомъ чинѣ. Эта встрѣча возмутила Потемкина и онъ, указывая на бывшаго своего подчиненнаго, сказалъ:

— Какъ? И онъ будетъ меня свидѣтельствовать! Я сего не перенесу и останусь еще въ службѣ, сколь ни тяжки мои раны.

И послѣ того пробылъ на службѣ еще два года.

По выходѣ въ отставку, Потемкинъ поселился въ деревнѣ и жилъ однообразно, полудикую жизнь помѣщика стараго времени. Все его состояніе ограничивалось тремя стами душъ въ разныхъ губерніяхъ и о тѣхъ велись неизбѣжныя и нескончаемыя тяжбы. Донныя еще не обрѣтены достовѣрныя свѣдѣнія о первой женѣ Александра Потемкина, извѣстно только, что жили они разво (онъ—въ пензенскомъ, она—въ смоленскомъ имѣніи), и что дѣтей у нихъ не было.

Случайно проѣзжая село «Большое Скуратово», на кievской дорогѣ, Потемкинъ увидѣлъ проживавшую тамъ, у родныхъ покойнаго своего мужа, молодую вдову Дарью Васильевну Скуратову, рожденную Кондыреву; влюбился въ красавицу и, выдавъ себя за вдовца посватался и обвѣнчался. Обманъ открылся послѣ свадьбы двоеженца, когда молодая его жена была уже

bingen, 1809, in 8°, 502 s., vidi s. 386). Графъ А. Н. Самойловъ (Жизнь и дѣянія кн. Г. А. Потемкина-Таврическаго изд. 1812 г.,—также см. въ «Р. А.» 1867 г.) говоритъ, что отецъ Потемкина былъ отставной подполковникъ арміи (стр. 588); тоже находимъ и въ «Фамильныхъ извѣстіяхъ о кн. Потемкинѣ» («Русская Старина» 1872 г., т V, стр. 463—468). Между тѣмъ, существуетъ еще преданіе, будто отецъ Потемкина былъ смоленскій протоіерей (?). См. «Р. А.» 1866 г.: Письма и записки кн. Италійскаго гр. А. В. Суворова-Рымникскаго, предисловіе, стр. 929.

беременная.¹⁾ Потребовавъ у мужа свиданія съ его первою, повиною супругою, Дарья Васильевна тронула ее своими мольбами и довела до благороднѣйшаго самопожертвованія: Потемкина пошла въ монастырь, вскорѣ постриглась и этой смертью для свѣта узаконила второй бракъ своего мужа. Все это не пошло въ прокъ Дарьѣ Васильевнѣ. Слѣдствіемъ неравенства лѣтъ (мужъ былъ тридцатью годами ея старѣе) была съ его стороны ревность: онъ держалъ взаперти молодую жену и деспотическимъ обхожденіемъ довелъ почти до слабоумія и безъ того недалнюю Дарью Васильевну. Первые ихъ дѣти были дочери.²⁾ Во второй или въ третій, разъ беременная Потемкина видѣла странный сонъ: прямо съ неба на нее катилось солнце и она пробудилась отъ страха.

Вскорѣ послѣ того, 16-го сентября 1739 г., у нея родился сынъ—Григорій.³⁾

Потемкины проживали тогда въ селѣ «Чижевѣ» (Смоленской губерніи, Духовщинскаго уѣзда). Рожденіе сына не только не порадовало старика Потемкина, но почему-то возбудило въ немъ подозрѣніе въ его законности и вслѣдствіе этого было причиною ухудшеніе и безъ того незавиднаго быта Дарьи Васильевны. Защитникомъ бѣдной матери и ея ребенка былъ двоюродный братъ Потемкина—Григорій Матвѣевичъ Козловскій, президентъ камер-колегіи. Принимая самое родственное участіе въ малолѣтнемъ Григоріи, своемъ крестникѣ, онъ, по просьбѣ Дарьи Васильевны,

¹⁾ Въ примѣчаніи къ біографіи Потемкина, составленной графомъ А. Н. Самойловымъ («Р. А.» 1867 г.), показано: «родомъ Скуратова, въ первомъ бракѣ за Кондыревымъ». Мы придерживаемся «Фамиліныхъ извѣстій о кн. Потемкинѣ» («Русская Старина» 1872 г., т. V, стр. 465).

²⁾ Марья и Марья, см. ниже родословіе семьи Александра Васильевича Потемкина.

³⁾ Въ показаніи года рожденія Потемкина у его біографовъ находимъ разнорѣчія и цифра колеблется между 1736 и 1742 годомъ. Въ біографіи, сочиненной графомъ А. Н. Самойловымъ, на одной страницѣ показанъ 1740 г., на другой—1742 г. Въ запискахъ А. Н. Энгельгардта (Москва, 1868 г., стр. 40) показанъ 1736 годъ. По нѣкоторымъ сообщеніямъ мы останавливаемся на 1739 г. Что же касается до числа, нами показаннаго (тавъ какъ въ біографіяхъ говорится глухо: «родился въ сентябрѣ»), мы имѣли въ виду слѣдующее обстоятельство: въ старину строго соблюдался обычай давать новорожденному имя святаго, празднуемаго черезъ двѣ недѣли отъ дня рожденія. Потемкинъ праздновалъ день именинъ 30-го сентября (св. муч. Григорія епископа Арменіи, св. Михаила перваго митрополита кievскаго и преподобнаго Григорія).

взялъ его по пятому году къ себѣ на воспитаніе. Послѣ сына у Потемкиныхъ были еще дѣти—дочери; но сумасбродное по-дозрѣніе не угасало въ душѣ старика Потемкина, въ особен-ности благодаря навѣтамъ его двоюроднаго брата, Сергѣя Дмитріе-вича Потемкина. Желая воспользоваться имѣніемъ Александра Васильевича, онъ всячески клеветалъ на Дарью Васильевну и наконецъ довелъ старика до того, что тотъ подалъ челобитную, опровергавшую брачный союзъ. Г. М. Козловскій, призвавъ А. В. Потемкина въ присутствіе, настоялъ на возвращеніе ему челобит-ной обратно, съ надписью.

Александръ Васильевичъ умеръ въ 1746 г. и вдова его, съ пятью дочерьми, оставшись при весьма ограниченнѣхъ средствахъ, переселилась въ Москву.

Гриша Потемкинъ, или Гриць, какъ его называлъ крестный отецъ, росъ и воспитывался у него въ домѣ, въ Москвѣ, вмѣстѣ съ его сыномъ и своимъ ровестникомъ—Сергѣемъ. Способности мальчика были необыкновенныя и предвѣщали ему великую бу-дущность. Крестный отецъ говаривалъ о немъ: «Грицу моему, либо быть въ чести, либо не сносить головы». До поступленія въ университетъ, Григорій Потемкинъ и Сергѣй Козловскій по-сѣщали учебное заведеніе Литгена, въ Нѣмецкой слободѣ.

30-го мая 1755 года молодой Григорій Потемкинъ былъ за-писанъ въ конную гвардію рейтаромъ; 15-го августа 1757 года произведенъ въ капралы; 31-го декабря 1758 года въ гефрейт-капралы, а 19-го іюня 1759 года — въ каптенармусы. Всѣми этими повышеніями Потемкинъ былъ удостоенъ, не состоя на дѣйствительной службѣ, числясь въ Московскомъ универси-тетѣ и продолжая посѣщать лекціи. Кромѣ добраго крестнаго отца, въ воспитаніи Потемкина принималъ большое участіе род-ственникъ его матери, генерал-поручикъ Александръ Артемье-вичъ Загряжскій. Былъ у него и еще одинъ милостивецъ—ба-ронъ Строгановъ, къ которому Потемкинъ, по приказанію ма-тери, хаживалъ на поклонъ въ праздничные дни.

Характеръ Потемкина-юноши представлялъ странную смѣсь любознательности и легкомыслія, склонности къ ученымъ трудамъ и лѣни, въ особенности же набожностью, не соотвѣтственною воз-расту. Онъ любилъ бесѣдовать съ лицами духовнаго званія: по-сѣщалъ іеродіакона греческаго монастыря Дороея и прилежно

занимался у него греческимъ языкомъ; часто бесѣдовалъ о священномъ писаніи и о духовныхъ обрядахъ съ умнымъ священникомъ приходской церкви Николая чудотворца. Постоянный посѣтитель этого храма, Григорій Потемкинъ прислуживалъ священнику въ алтарѣ, раздувалъ кадило и вынашивалъ свѣчи предъ евангеліемъ и святыми дарами. Но изъ-подъ личины искренней или напускной набожности, нерѣдко пробивалась наружу ребяческая шаловливость. Такъ, однажды, при посѣщеніи крестнаго отпа Потемкина грузинскимъ преосвященнымъ, молодой Григорій, надѣвъ на себя полное его облаченіе, выпелъ къ гостямъ, что заставило Козловскаго съ сердцемъ сказать:

— Доживу до стыда, что не умѣлъ воспитать тебя, какъ дворянина!

Въ университетѣ Потемкинъ особенно прилежно занимался науками, необходимыми для духовнаго лица, но не всегда умѣлъ обуздать свою кипучую натуру и, порядочно владѣя стихомъ, писалъ сатиры и эпиграмы на начальниковъ. Не скрывая отъ товарищей цѣли своихъ намѣреній и желаній, онъ говаривалъ имъ: «буду министромъ или архіереемъ», либо: «начну военной службой, а не такъ, то стану командовать попами».

Въ іюнѣ 1757 г. Иванъ Ивановичъ Шуваловъ, основатель Московскаго университета, приказалъ выбрать двѣнадцать достойнѣйшихъ учениковъ и прислать ихъ въ Петербургъ, какъ представителей успѣховъ образованія въ высшемъ учебномъ заведеніи въ Россіи. Въ числѣ избранныхъ былъ Григорій Потемкинъ, въ минувшемъ 1756 г. удостоенный золотою медалью за успѣхи въ наукахъ. Изъ всѣхъ студентовъ онъ вполне соответствовалъ видамъ Шувалова. Прибывшіе въ Петербургъ студенты были благосклонно приняты въ гостинныхъ первѣйшихъ вельможъ столицы и иностранныхъ министровъ; каждое ихъ представленіе важнымъ особамъ соответствовало экзамену. Потемкинъ заслужилъ особенныя похвалы своею находчивостью и остроуміемъ. Наконецъ онъ, съ товарищами, былъ представленъ императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ. Свѣдѣнія Потемкина въ эллиногреческомъ языкѣ и въ богословіи обратили на него вниманіе Шувалова и, по его докладу, Потемкинъ произведенъ въ капралы конной гвардіи.

По возвращеніи въ Москву, Потемкинъ принялся за ученіе

*

далеко не съ прежнимъ стараніемъ, предпочитая университету бесѣды съ монахами Греческаго и Законоспасскаго монастырей. Нерадѣніе Потемкина въ наукамъ низвело его на степень послѣднихъ учениковъ университета, изъ которыхъ онъ, наконецъ, въ 1760 г. былъ выключенъ: «за лѣность и нехождение въ классы». Достоинно замѣчанія, что той же участи вмѣстѣ съ Потемкинымъ подвергся Николай Ивановичъ Новиковъ (р. 1744 † 1818 г.). Карьера молодого человѣка была, повидимому, испорчена; если бы духовный санъ былъ истиннымъ призваніемъ Потемкина, въ такомъ случаѣ поступленіе въ монахи могло открыть ему прямой путь въ желанной цѣли. Но духовное званіе уже утратило тогда въ его глазахъ прежнюю привлекательность и не соответствовало болѣе видамъ молодого человѣка. Онъ рѣшился вступить въ дѣйствительную строевую службу; о намѣреніи своемъ Потемкинъ сообщилъ преосвященному Амвросію Зертисъ-Каменскому († 1771 г.) архіепископу крутицкому и можайскому. Выразивъ Потемкину свое одобреніе, святитель далъ ему на дорогу пятьсотъ рублей. Впослѣдствіи времени, уже на высотѣ почестей, князь Таврическій часто вспоминалъ объ этомъ долгѣ, обѣщая съ лихвою возратить его наслѣдникамъ преосвященнаго; однако же долгъ такъ и остался неуплаченнымъ.

Прибывъ въ Петербургъ, Потемкинъ прилежно занялся изученіемъ строевой службы и, въ чинѣ вице-вахмистра, взятъ былъ на ординарцы къ принцу Георгу Голштинскому, любимому дядѣ императора Петра III.¹⁾ Тонкости строевой службы дались Потемкину въ такомъ же совершенствѣ, какъ и догматскія свѣдѣнія года два-три тому назадъ. Рослый, статный юноша, отличный наѣздникъ, онъ обратилъ на себя вниманіе принца, которому императоръ уступилъ чинъ полковника конной гвардіи; вице-вахмистръ Потемкинъ былъ ординарцемъ принца Георга и мѣсяца черезъ два произведенъ въ вахмистры.

Между тѣмъ дѣло овозшествованіи на престолъ Екатерины II было тогда

¹⁾ Принцъ Георгъ Голштинскій, вмѣстѣ съ супругою и значительною свитою, прибылъ въ Петербургъ 21-го марта 1762 г. по приглашенію императора Петра III, который пожаловалъ ему званіе генерал-фельдмаршала; 28-го іюня 1762 г. принцъ Георгъ былъ арестованъ, а 12-го іюля выѣхалъ въ свое отечество. Скончался 7-го сентября 1763 года.

въ полномъ разгарѣ: душа заговора—Григорій Орловъ,¹⁾ тогда цалмейстеръ артилеріи, вербуя въ свою партію гвардейскую молодежь, обратилъ вниманіе и на Потемкина. Нѣтъ сомнѣнія, что Потемкину были извѣстны замыслы Орловыхъ и онъ былъ ревностнымъ ихъ приверженцемъ, содѣйствуя, по мѣрѣ силъ, къ осуществленію ихъ плана. Соудѣйствіе это ограничивалось подготовкою нижнихъ чиновъ къ ближнему перевороту, къ отреченію отъ недавней присяги Петру III и принесенію новой—императрицѣ Екатеринѣ II. Впрочемъ, точная степень участія Потемкина въ заговорѣ и причины щедрыхъ наградъ, которыми онъ былъ удостоенъ императрицею (наравнѣ съ прочими второстепенными дѣятелями, по представленію Григорія Орлова) доннынѣ еще не разъяснены и біографы рѣзко противорѣчатъ другъ другу. Бантышъ-Каменскій, а съ его словъ и многіе другіе, говорятъ, будто Потемкинъ, 29-го іюня 1762 года, обратилъ на себя вниманіе Екатерины тѣмъ, что подалъ ей темлякъ съ своей шпаги, замѣтивъ, что на ея шпагѣ темляка не было. Графъ А. Н. Самойловъ опровергаетъ это преданіе, и весьма справедливо, тѣмъ доводомъ, что у вахмистра на шпагѣ не могло быть офицерскаго темляка. Митрополитъ Платонъ, въ кругу своихъ приближенныхъ, рассказывая о быстромъ повышеніи Потемкина съ первыхъ же дней восшествія на престолъ Екатерины, говорилъ, что будущій князь Таврическій былъ имъ обязанъ своему умѣнью поддѣлаться подъ чужой голосъ, чѣмъ весьма часто забавлялъ Григорія Орлова. Послѣдній сообщилъ объ этомъ Екатеринѣ и она пожелала видѣть забавника. Потемкинъ, о чемъ-то спрошенный Екатериною, отвѣчалъ ей ея же голосомъ и выговоромъ, чѣмъ насмѣшилъ ее до слезъ.²⁾ Изъ этого рассказа видимъ, однако, что

¹⁾ Григорій Григорьевичъ Орловъ, второй изъ пяти братьевъ Орловыхъ, родился 6-го октября 1734 г., скончался въ помѣшателствѣ 13-го апрѣля 1783 г.

Изъ болѣе любопытныхъ свѣдѣній о Григоріи Орловѣ, напечатанныхъ въ «Русской Старинѣ», можемъ указать на слѣдующія: Записки Болотова (приложеніе къ III тому 1871 г. Томъ второй, часть VIII, письма 88—94 и часть IX, письма 95—100). Характеристика кн. Г. Г. Орлова («Русская Старина» 1871 г., т. III, стр. 676—678). Участіе въ переворотѣ 1762 г. (т. VIII, 693—696). Отношенія къ нему Екатерины II (т. VIII, 700—701). Вражда кн. Е. Р. Дашковой (VIII, 705). Порученіе усмирить мятежъ 1771 г. (VIII, 828). Разсказъ о медали, выданной въ его честь (V, 132). Сожалѣніе Екатерины II о его смерти (V, 139).

²⁾ «Р. А.» 1872 г., стр. 459.

Потемкинъ былъ тогда уже офицеромъ гвардіи и вопросъ о причинахъ его производства изъ вахмистровъ въ подпоручики и о его награжденіи 400-ми душъ ¹⁾ остается неразъясненнымъ. 30-го ноября того же 1762 г. онъ былъ пожалованъ въ камер-юнкеры.

Желая оригинальными выходками обратить на себя вниманіе, или вслѣдствіе прямизны характера, но Потемкинъ, съ перваго же дня при дворѣ, не подчинился требованіямъ этикета. Однажды, за столомъ, императрица обратилась къ нему съ вопросомъ на французскомъ языкѣ; Потемкинъ отвѣчалъ ей по-русски. Кто-то изъ сановниковъ замѣтилъ ему, что это неприлично. «А я, напротивъ того, думаю,—отвѣчалъ молодой смѣльчакъ,—что подданный долженъ отвѣтствовать своему государю на томъ языкѣ, на которомъ можетъ вѣрнѣе мысли свои объяснять». Въ другой разъ императрица играла въ карты съ Григоріемъ Орловымъ: Потемкинъ, подойдя къ столу, оперся на него рукою и смотрѣлъ въ карты государыни. Орловъ шепнулъ ему, чтобы отошелъ:

— Оставьте его, возразила Екатерина, онъ вамъ не мѣшает!

Потемкинъ не только не скрывалъ восторженныхъ своихъ чувствъ къ императрицѣ, но всячески старался ихъ выказывать и государыня снисходительно смотрѣла на выходы, почти сумасбродныя. ²⁾

Гельбигъ (*Russische Günstlinge*, 387), Л. Н. Энгельгардтъ (*Записки*, стр. 42) и Бантышъ-Каменскій (*Ч. II*, стр. 58) къ первому году восшествія на престолъ Екатерины относятъ отправку Потемкина въ Швецію съ дипломатическимъ порученіемъ; однако же изъ біографіи, составленной гр. А. Н. Самойловымъ, можно заключить, что это случилось годами тремя, или четырьмя позже, т. е. въ 1765 или 1766 г. До того времени Потемкинъ состоялъ при дворѣ и проживалъ въ Петербургѣ безотлучно. Милости, оказанныя ему императрицею, въ годъ восшествія ея на престолъ, еще не возбуждали ни зависти, ни подозрѣній его недоброжелателей.

¹⁾ Въ Сборникѣ Русскаго Ист. Общества (т. VII, стр. 108—115) напечатано черновое росписаніе Екатерины II о наградахъ по случаю ея восшествія на престолъ и въ немъ показано производство Потемкина въ камергеры. Таково было первоначальное намѣреніе императрицы, измѣненное, однако, можетъ быть по совѣту Григорія Орлова.

²⁾ См. «Русская Старина» 1872 г., томъ V. Семейныя извѣстія о князѣ Потемкинѣ, стр. 465.

II.

Знакомство Потемкина съ постановленіями церкви и бытомъ духовенства и, вмѣстѣ съ тѣмъ, желаніе императрицы доставить ему случай выказать свои способности, имѣли слѣдствіемъ назначеніе его въ синодъ помощникомъ обер-прокурора Ивана Ивановича Мелиссино, бывшаго впослѣдствіи кураторомъ Московскаго университета. Въ указѣ 19-го августа 1763 г. значилось: «Повелѣли мы въ синодѣ, непрерывно при текущихъ дѣлахъ, а особливо при собраніяхъ, быть нашему камер-юнкеру Григорію Потемкину и мѣсто свое имѣть за обер-прокурорскимъ столомъ, съ тѣмъ, дабы онъ слушаніемъ, чтаніемъ и собственнымъ сочиненіемъ текущихъ резолюцій и всего того, что онъ къ пользѣ своей за потребное найдетъ, навывкалъ быть искуснымъ и способнымъ къ сему мѣсту для отправленія дѣлъ, ежели впредь, смотря на его успѣхи, мы благоусмотримъ его опредѣлить къ дѣйствительному по сему мѣсту упражненію».

Цѣлю назначенія Потемкина, въ новую, для него созданную должность, было, во-первыхъ, наблюденіе за дѣйствіями членовъ св. синода и направленіе ихъ согласно съ видами государыни при отобраніи въ казну крестьянъ архіерейскихъ, монастырскихъ и церковныхъ; во-вторыхъ, надзоръ за управленіемъ синодальнымъ. Въ инструкціи, данной Потемкину (4-го сентября 1763 г.), ему были предоставлены довольно обширныя права.

Занятіе этой должности, въ первый разъ въ 1763 году, было непродолжительно. Вторично онъ присутствовалъ за обер-прокурорскимъ столомъ святѣйшаго синода въ 1766 году; въ исходѣ же 1763 г. его постигло несчастіе, имѣвшее важное вліяніе на всю послѣдующую участь. Онъ заболѣлъ горячкою. Не полагаясь на докторовъ, онъ довѣрилъ свое леченіе мужичку-знахарю, нѣкому Ероѣенчу (давшему свое имя водочной звѣробойной настойкѣ), еще недавно вылечившему Алексѣя Орлова.¹⁾ Лекарь-самоучка

¹⁾ Графъ Алексѣй Григорьевичъ Орловъ-Чесменскій (род. 1737 † 1808 г.).

Его участіе въ переворотѣ (т. I изд. второе, стр. 99—101, VIII, 694—697). Предупрежденіе заговора Хитрова и Рославлева (I, стр. 118). Присутствіе при кончинѣ Петра III (т. II, 195). Отношенія къ Шванвичу (IV, 387). Письмо къ брату послѣ чесменскаго боя (V, II, 708). Арестованіе Тарахановой (X, 773—775). Разсказъ о наказаніи его Павломъ I (VI, 89—90) и проч.

посоветовалъ Потемкину обвязывать голову и глаза какой-то припаркой. Больной вполнину исполнилъ это предписаніе и обвязалъ только одинъ глазъ. Жестокій жаръ въ головѣ и въ обвязанномъ глазу заставилъ его сорвать повязку, и тогда на глазу онъ замѣтилъ нарость, застилавшую зрѣніе; онъ имѣлъ неосторожность сорвать ее булавкою—и окривѣлъ.

Увѣще, постигшее Потемкина, едва не лишило его разсудка. Покинувъ дворъ, онъ уединился въ особомъ домѣ, близъ коннаго полка; на службу не являлся, отпустилъ себѣ бороду, и оставался безвыходно дома, изучая богослужебные обряды по чину архіерейскому. Это отшельничество Потемкина продолжалось восемнадцать мѣсяцевъ. ¹⁾ Наконецъ, братья Орловы, внезапно пріѣхавъ въ затворнику, насильно привезли его во дворецъ и представили императрицѣ. По другимъ сказаніямъ, Екатерина, проѣзжая съ Григорьемъ Орловымъ мимо дома Потемкина, приказала своему любимцу навѣстить его, и пригласить въ дворъ. ²⁾ Ласковый приемъ, оказанный Потемкину и дозволеніе посѣщать дворцовыя собранія, далеко не согласовались съ умыслами противниковъ Потемкина. Къ удаленію его отъ Екатерины, они измыслили новый способъ и убѣждали императрицу принять участіе въ сватовствѣ Потемкину фрейлины, графини Елисаветы Кирилловны Разумовской. ³⁾ Сватовство не состоялось. Потемкинъ, не связанный узами супружества, былъ постояннымъ посѣтителемъ собраній у императрицы и любимѣйшемъ ея собесѣдникомъ. Благоволеніе государыни къ молодому искателю счастья возбудило недоброжелательность къ нему, тогда могучаго графа Никиты Ивановича Панина. Его вліяніе на Екатерину въ первые годы ея царствованія простиралось почти до руководства ея поступками, она какъ-бы находилась подъ его опекою. Съ другой стороны, дѣя-

¹⁾ Графъ Самойловъ: Жизнь и дѣянія и пр. глава 2-я. Слѣдовательно съ 1764 до половины 1765 года.

²⁾ Фамиліи извѣстія о кн. Потемкинѣ. «Русская Старина» 1872 г. т. V, стр. 466.

³⁾ Родилась 15-го декабря 1749 г., скончалась въ 1802 г. Вторая дочь графа Кирилы Разумовскаго. Замужество ея съ графомъ Петромъ Федоровичемъ Апраксинымъ (р. 6-го августа 1728 † 5-го февр. 1811 г.), при живой его женѣ, навлекло на нее гнѣвъ Екатерины: лишенная фрейлинскаго званія, графиня Апраксина постриглась въ монахини. (См. «Русская Старина» 1871 года томъ IV, стр. 379).

тельные участники въ государственномъ переворотѣ 28-го іюня 1762 года, братья Орловы, ограждая императрицу, по возможности, отъ вліянія Панина, вмѣстѣ съ тѣмъ самовластно полагали предѣлы ея благосклонности къ каждому новому лицу, появившемуся при дворѣ. Опека Панина и попечительство Орловыхъ стали наконецъ тягостны для Екатерины; въ Потемкинѣ она угадывала своего избавителя отъ того и другого. Сознавая услуги Орловыхъ, государыня не могла не слѣдовать ихъ внушеніямъ, но въ тоже время, отдавая справедливость уму и способностямъ Потемкина, не всегда могла скрывать свое къ нему расположеніе. Вотъ разгада шаткости положенія Потемкина въ теченіи первыхъ десяти лѣтъ царствованія Екатерины. Благосклонность къ нему императрицы смѣнялась холодностью, близость—внезапнымъ удаленіемъ. Такъ, вскорѣ по возвращеніи ко двору изъ своего добровольнаго заточенія, Потемкинъ, накануне удостоенный особеннымъ вниманіемъ императрицы, получилъ на слѣдующій день повелѣніе отправиться немедленно въ Стокгольмъ съ какимъ-то неважнымъ дипломатическимъ порученіемъ. При самомъ производствѣ въ чины, съ 1765 по 1768 годъ, на Потемкина возлагались должности, державшія его въ почтительномъ разстояніи отъ двора, несмотря на званіе камер-юнкера. 19-го апрѣля 1765 года произведенный въ поручики, Потемкинъ правилъ казначейскую должность и надзиралъ за шитьемъ новыхъ мундировъ; 19-го іюня 1766 года назначенъ командиромъ 9-й роты; въ 1767 году, съ двумя ротами своего полка, былъ командированъ въ Москву, во время комисіи объ уложеніи. Только въ 1768 году, произведенный въ секунд-ротмистры, Потемкинъ былъ пожалованъ въ дѣйствительные камергеры (22-го сентября), а безъ малаго черезъ два мѣсяца (11-го ноября), по волѣ императрицы, отчисленъ отъ конной гвардіи, какъ состоящій при дворѣ. Однако же это отчисленіе было весьма кратковременно: послѣ объявленія войны съ Турціею Потемкинъ испросилъ у императрицы дозволеніе служить волонтеромъ въ первой арміи, предводимой княземъ Александромъ Михайловичемъ Голицынымъ.¹⁾ Переименованный изъ камергеровъ въ соотвѣтствующій военный

¹⁾ Князь Александръ Михайловичъ Голицынъ (род. 17-го ноября 1718 + 11-го октября 1783 г.). См. «Русская Старина» 1871 г., томъ III, 472, 686; 1872 г., томъ V, 218.

чинъ генерал-маіора, за «оказанную храбрость и опытность въ военныхъ дѣлахъ», Потемкинъ, до перехода главнаго начальства надъ арміею отъ князя Голицына къ графу Петру Александровичу Румянцеву ¹⁾ (16-го сентября 1769 года), участвовалъ во многихъ сраженіяхъ, прославившихъ наше оружіе, командуя бригадою конныхъ полковъ, чѣмъ снискалъ вполне лестный о себѣ отзывъ въ представленіи императрицѣ главнокомандующаго: «непосредственно рекомендую мужество и искусство, которое оказалъ въ семь дѣлъ (пораженіе Молдаванджи-паша 29-го августа 1769 года) генерал-маіоръ Потемкинъ; ибо кавалерія наша до сего времени еще не дѣйствовала съ такою строгостію и мужествомъ, какъ въ сей разъ, подъ командою вышеозначеннаго генерал-маіора». Лестный отзывъ главнокомандующаго былъ однако же оставленъ императрицею безъ вниманія. Враги Потемкина успѣли довести до ея свѣдѣнія, будто молодой генералъ позволяетъ себѣ насмѣшки надъ престарѣлымъ главнокомандующимъ.

Недовольная медлительностью князя Голицына, императрица, весьма милостивымъ рескриптомъ отъ 13-го августа 1769 года, отозвала его отъ арміи, назначивъ на его мѣсто гр. Петра Александровича Румянцева. До сдачи главнаго начальства надъ арміею своему преемнику (16-го сентября 1769 г.) кн. А. М. Голицынъ еще не успѣлъ блистательнымъ подвигомъ завершить свое ратное поприще: 29-го августа онъ одержалъ рѣшительную побѣду надъ верховнымъ визиремъ Молдаванджи-пашею и крымскимъ ханомъ; 9-го сентября русскія войска заняли опустѣлый Хотинъ и вступили въ Яссы. Въ сраженіи 29-го августа отличился лично храбростью и распорядительностью — Потемкинъ, командовавший отрядомъ конницы. Согласно его прошенію, онъ былъ назначенъ состоять подъ начальствомъ генерал-поручика Штофельна, командированнаго въ Молдавію. Несмотря на су-

¹⁾ Графъ Петръ Александровичъ Румянцевъ-Задунайскій (родился 1725 † 8-го декабря 1796 г.). Кромѣ многочисленныхъ упоминаній о немъ, см. въ «Русской Старинѣ», т. I, 15; II, 465, 473. Донесеніе Петру III о приготовленіи датчанъ къ войнѣ (III, 306). Пребываніе въ Могилевѣ (IV, 114). Разказы о немъ (V, 131, 132, 242, 243, 771). Письма къ Екатеринѣ II (VIII, 717—720)—къ Потемкину (VIII, 720—722)—къ гр. В. А. Зубову (VIII, 722). Народная о немъ пѣсня (VIII, 816—817) и проч. и проч.

ровое зимнее время и на чуму, обнаружившуюся въ нашихъ войскахъ въ началѣ 1770 г., Румянцевъ скоро ознаменовалъ себя славнѣйшими подвигами.

По отзыву иностранныхъ писателей, (между прочимъ и Гельбига: *Russische Günstlinge*, стр. 387—388) Потемкинъ въ арміи Румянцева до того былъ бесполезенъ, что главнокомандующій воспользовался случаемъ отправить его въ Петербургъ съ важными вѣстями; однако же военная дѣлопись первой турецкой войны въ царствованіе Екатерины служить самымъ основательнымъ опроверженіемъ этому обвиненію. Командуя небольшимъ отрядомъ конницы и пѣхоты, Потемкинъ (4-го января 1770 г.), вмѣстѣ съ генерал-маіоромъ графомъ Подгоричани, въ окрестностяхъ Фовшанъ, разбилъ двѣнадцатитысячный ¹⁾ турецкій корпусъ, предводимый Солиманъ-пашею и сераскиромъ Румели-Валаси; при этомъ отнялъ пять орудій и два знамя. Черезъ мѣсяць (4-го февраля) Потемкинъ много содѣйствовалъ Штофельну въ овладѣніи Журжею; 7-го іюня участвовалъ въ разбитіи турокъ Румянцевымъ у Рябой-Могилы. Въ битвѣ при Ларгѣ (7-го іюля) Потемкинъ находился уже въ корпусѣ князя Николая Васильевича Репнина ²⁾ и за отличіе получилъ орденъ св. Георгія 3-го класса. Въ вагульской битвѣ (21-го іюля) онъ не участвовалъ, охраняя отъ нападенія крымскаго хана нашу подвижную магазинъ. Препоручая Потемкину обезпеченіе продовольствія всей нашей арміи, Румянцевъ сказалъ ему:

— Григорій Александровичъ, доставьте намъ пропитаніе наше на концѣ шпаги вашей.

Взятіе Репнинымъ Измаила (26-го іюля) и покореніе Килин (18-го августа) доставили имени Потемкина почетное мѣсто на ряду съ именами отличившихся. Приостановка военныхъ дѣйствій по случаю зимняго времени дала возможность Потемкину испросить отъ фельдмаршала дозволеніе на отпускъ въ Петербургъ. Въ рекомендательномъ письмѣ отъ Румянцева къ императрицѣ,

¹⁾ Такъ показываетъ графъ А. Н. Самойловъ, но у Бантыша-Каменскаго число турокъ показано въ десять тысячъ.

²⁾ Князь Николай Васильевичъ Репнинъ (род. 11-го марта 1734 † 12-го мая 1801 г.). Кромѣ мелкихъ замѣтокъ см. о немъ: «Русская Старина»: командованіе корпусомъ въ 1789 г. (т. X, стр. 38—45); отправленіе въ Берлинъ 1798 г. (т. X, 576—578); щедрость его (т. V, 767—769). и проч.

исчислялись заслуги Потемкина и, между прочимъ, значилось: «Сей чиновникъ, имѣющій большія способности, можетъ сдѣлать о землѣ, гдѣ театръ войны состоялъ, обширныя и дальновидныя замѣчанія, которыя по свойствамъ своимъ заслуживаютъ быть удостоенными высочайшаго вниманія и уваженія, а посему и вѣрю ему для донесенія вашему императорскому величеству многія обстоятельства, въ пользѣ службы и славы имперіи относящіяся».

Во время пребыванія Потемкина въ дѣйствующей арміи произошли немаловажныя перемены при дворѣ въ Петербургѣ: братья Орловы, достигнувъ вершины могущества, особенно послѣ чесменской побѣды Алексѣя (26-го іюня 1770 г.) возбудили дѣятельное себѣ противодѣйствіе въ партіи Панина, а въ самой императрицѣ не остыло возникшее уже желаніе отдалить отъ себя Орловыхъ.

Григорій Орловъ, какъ членъ военнаго совѣта, учрежденнаго въ то время при петербургскомъ кабинетѣ, имѣя въ немъ первый голосъ, былъ, можно сказать, главнымъ распорядителемъ военныхъ дѣйствій на сушѣ и на морѣ. Онъ первый выразилъ мысль о присоединеніи къ русской державѣ христіанскихъ народовъ востока, и Греческій проектъ, объ осуществленіи котораго впоследствии такъ старался Потемкинъ, можно назвать въ сущности созданиемъ Григорія Орлова. Турція, какъ бы въ отплату Россіи за ея намѣренія, сообщила ей чуму, въ концѣ 1770 года занесенную въ наши предѣлы. Весною 1771 года зараза стала распространяться по Россіи съ ужающей силой; наконецъ появилась въ Москвѣ.

Потемкинъ, въ концѣ 1770 года прибывшій въ Петербургъ засталъ Орлова еще главенствующимъ въ совѣтѣ. Императрица приняла его довольно благосклонно; однако Потемкинъ созналъ, а приверженцы обѣихъ партій, Орловыхъ и Панина, дали ему достаточно понять, что дальнѣйшее пребываніе его при дворѣ совершенно неумѣстно. Онъ возвратился въ армію. Должно замѣтить однако, что еще до своего отъѣзда въ дѣйствующую армію въ 1769 г., Потемкинъ успѣлъ склонить на свою сторону двухъ лицъ, приближенныхъ къ Екаторинѣ: ея бібліотекаря Петрова ¹⁾

¹⁾ Василій Петровичъ Петровъ (родился въ 1736 † 4-го декабря 1799 или 1800 г.). См. «Русская Старина» 1871 г., томъ III, 65; томъ V, 466, 610, 618; 1874 г., томъ XI, 46, 242, 243.

и Ивана Перфильевича Елагина;¹⁾ оба эти приверженца стояли многочисленной партіи, такъ какъ первый, воспѣвая подвиги Потемкина, напоминалъ о немъ императрицѣ, а чрезъ второго, онъ получилъ дозволеніе государыни имѣть съ нею переписку.

Къ удаленію Григорія Орлова изъ Петербурга, осенью того же 1771 года, представился самый благовидный случай. Москва являла тогда картину совершеннаго безначалія: главнокомандующій, фельдмаршалъ графъ Петръ Семеновичъ Салтыковъ,²⁾ объятый ужасомъ, бѣжалъ изъ Москвы въ свое помѣстье; его примѣру послѣдовали чиновники и дворянство. Чернь предалась грабежу и всякимъ неистовствамъ, умертвила архіепископа Амвросія Зертисъ-Каменскаго (17-го сентября) и пыталась овладѣть Кремлемъ: рѣшительныя мѣры, принятыя Еропкинымъ,³⁾ удержали мятежъ, грозившій принять страшные размѣры. Тогда въ совѣтѣ императрицы былъ поднятъ вопросъ объ отсылкѣ въ Москву «довѣренной особы, коя бы, имѣя полную власть, въ состояніи была избавить тотъ городъ отъ совершенной гибели». Особою этой былъ Григорій Орловъ.

Благодаря его геройской отвагѣ и разумной распорядительности, мятежъ былъ усмирень, чума утихла. Черезъ два мѣсяца, въ досадѣ всѣхъ искавшихъ его гибели,—Орловъ здравый и невредимый возвратился въ Петербургъ. Въѣздъ его въ столицу былъ подобенъ шествію древняго триумфатора. Признательная въ заслугамъ и подвигамъ героя, императрица въ честь его приказала воздвигнуть въ Царскомъ Селѣ триумфальные ворота и выбить медаль. Ворота эти на гатчинской дорогѣ существуютъ понынѣ. Въ надписи, со стороны дворцоваго парка, упомянуто, что

¹⁾ Иванъ Перфильевичъ Елагинъ, сенаторъ и обер-гофмейстеръ, собственный секретарь Екатерины II. (род. 1725 † 22-го сентября 1793 г.). См. «Русская Старина» 1871 г., томъ III, 679, 571; 1872 г., 466; 1873 г., томъ VII, 285; томъ VIII, 887; 1874 г., томъ X, 541—542; томъ XI, 489.

²⁾ Графъ Петръ Семеновичъ Салтыковъ (род. 1700 † 1772 г.); неудовольствие противъ австрійскихъ главнокомандующихъ въ семилѣтнюю войну («Рус. Стар.» т. III, 41, 279); бѣгство его изъ Москвы во время мятежа 1771 года; увольненіе отъ должности (VIII, 828) и проч.

³⁾ Петръ Дмитріевичъ Еропкинъ, (род. 1724 † 1805 г.). См. «Русская Старина» 1871 г., томъ III, 46; 1872 г., томъ V, 679—680; 1873 г., томъ VIII, 228, 886—887.

Григорій Орловъ «по его просьбѣ получивъ повелѣніе», поѣхалъ въ Москву.

Съ другой стороны (къ Гатчинѣ), на фронтонѣ воротъ, стихъ изъ оды В. И. Майкова:

«Орловымъ отъ бѣды избавлена Москва».

На золотой медали, выбитой въ честь гр. Орлова, съ одной стороны былъ изображенъ его портретъ, съ другой Курцій бросающійся въ пропасть. Первоначальная надпись была: «такового сына Россія имѣеть»; но, принимая медаль, герой сказалъ Екатеринѣ... «прикажи переимѣнить надпись, обидную для другихъ сыновъ отечества» — и медаль была перечеканена, съ надписью: «И Россія таковыхъ сыновъ имѣеть». ¹⁾

Между тѣмъ Потемкинъ, находившійся въ дѣйствующей арміи, участвовалъ въ нѣсколькихъ битвахъ, ознаменовавъ свое участіе блестящими успѣхами: отразилъ нападеніе турокъ на Крайовъ и вытѣснилъ ихъ изъ Цимбры; переселилъ нѣсколько сотъ христіанскихъ семействъ изъ этого города на берега Дуная; сжегъ нѣсколько непріятельскихъ судовъ и провіантскихъ магазиновъ; на походѣ къ рѣкѣ Ольтѣ обратилъ въ бѣгство четырехтысячный турецкій отрядъ (17-го мая 1771 года); блокировалъ крѣпость Турну, а осенью, производя рекогносцировку на правомъ берегу Дуная, подходилъ къ Силистріи. Въ концѣ года опасно заболѣлъ горячкою, но самъ себя использовалъ холодною водою. По выздоровленіи, Потемкинъ занялся наблюденіемъ Силистріи, имѣя въ своемъ вѣдѣніи резервный корпусъ. Въ маѣ мѣсяцѣ прибылъ въ Яссы Григорій Орловъ для предстоявшихъ конференцій съ турецкими послами, но переговоры открылись въ Фокшанахъ только черезъ два мѣсяца. По словамъ гр. А. Н. Самойлова, Потемкинъ во все пребываніе Орлова былъ на конгрессѣ фокшанскомъ; Бантышъ-Каменскій, напротивъ говоритъ, что Потемкинъ, провелъ это время большею частію въ плафрокѣ, или лежа на софѣ, или погруженный въ размышленіе. Переговоры тянулись два мѣсяца и не привели ни къ чему; а этимъ време-

¹⁾ См. «Р. С.» 1872 г., т. V, стр. 132. Весьма обстоятельный очеркъ жизни Г. Г. Орлова составленъ А. П. Барсуковымъ, «Р. А.» 1873 года.

немъ затмилась звѣзда счастья Орлова при дворѣ: партія графа Никиты Ивановича Панина, пользуясь удаленіемъ любимца, успѣшно воспользовалась всѣми средствами къ его низверженію. Лица, ненавистныя Орлову, приблизились къ императрицѣ; она удостоила особеннымъ вниманіемъ молодого поручика военной гвардіи, Александра Семеновича Васильчикова,¹⁾ чуждаго всякихъ честолюбивыхъ замысловъ, человѣка скромнаго и въ душѣ благороднѣйшаго. Въ короткое время Васильчиковъ былъ удостоенъ званія дѣйствительнаго камергера и получилъ орденъ св. Александра Невскаго. Ему покровительствовали, имъ руководили, кромѣ графа Н. И. Панина, графы Захаръ и Иванъ Григорьевичъ Чернышевы²⁾ и князь Ѳеодоръ Сергѣевичъ Барятинскій и всѣми мѣрами поддерживали расположеніе къ нему императрицы.

Фокшанскій конгрессъ не привелъ къ благопріятному концу и Григорій Орловъ отправился обратно въ Петербургъ послѣ кратковременнаго пребыванія въ Яссахъ. Ровно за годъ передъ тѣмъ, съ торжествомъ привѣтствуемый Орловъ, теперь, за нѣсколько десятковъ верстъ отъ столицы, былъ встрѣченъ курьеромъ, вручившимъ ему письмо отъ Еватерины, приблизительно слѣдующаго содержанія: Вамъ нужно выдержать карантинъ, и я предлагаю вамъ избрать для временнаго пребыванія вашъ гатчинскій дворецъ.³⁾ Орловъ повиновался. Его удаленіе отъ двора продолжалось до конца декабря 1772 года. Въ день рождественскаго сочельника, въ присутствіи Елагина и И. И. Бецкаго, онъ представился императрицѣ и великому князю Павлу Петровичу; былъ за всюнощной въ дворцовой церкви; на другой день, въ Рождество, былъ на дворцовомъ собраніи. «Екатерина», говоритъ прусскій посланникъ графъ Сольмсъ (въ донесеніи отъ 25-го декабря 1772 года), «какъ будто бы старалась не замѣчать его». Въ первыхъ числахъ января 1773 г. Орловъ выѣхалъ въ Ревель; возвратился въ мартѣ; часто являлся ко двору, гдѣ былъ постоянно встрѣчаемъ ласково, но съ пол-

¹⁾ См. «Русская Старина» 1872 г., томъ V, стр. 466.

²⁾ Графъ Захаръ Григорьевичъ Чернышевъ (р. 1722 † 29-го августа 1784 г.), графъ Иванъ Григорьевичъ (род. 1726 † 1729 г.). Первый изъ нихъ былъ своимъ гр. Н. И. Панина.

³⁾ Helbig: Russische Günstlinge, s. 272.

нѣйшимъ равнодушіемъ; до мая мѣсяца, подъ предлогомъ болѣзни, онъ не вступалъ въ отправленіе прежнихъ должностей. Въ теченіи пяти мѣсяцевъ звѣзда временщика еще мерцала послѣдними лучами; наконецъ померкла. Какъ бы въ напомианіе Еватеринѣ о своемъ пособничествѣ при возведеніи ея на престолъ—Григорій Орловъ поднесъ ей въ день ангела (24-го ноября) огромный алмазъ для украшенія скипетра. Панинъ и Чернышевы торжествовали; благосклонность императрицы къ Васильчикову не ослабѣвала, никто изъ нихъ не ожидалъ, кто однимъ ударомъ разобьетъ ихъ возни и порветъ сѣть интригъ, такъ искусно сплетенную при дворѣ.

Потемкинъ, 21-го апрѣля 1773 года, произведенный въ генерал-поручики, усердно продолжалъ свою службу въ дѣйствующей арміи какъ бы забытый императрицею и ея вельможами. Даже отличія, оказанныя имъ въ теченіи кампаніи 1773 года, остались безъ вознагражденія, хотя онѣ были не маловажны. 7-го іюня онъ принималъ дѣятельное участіе въ пораженіи Османа паши подъ стѣнами Силистріи; разбилъ семитысячный корпусъ конницы, предводимый Черкестъ-пашею; осенью, по приказанію фельдмаршала гр. Румянцева, успѣшно возвелъ батареи на островѣ противъ Силистріи. Въ концѣ декабря 1773 г. Потемкинъ успѣшилъ испросить отъ главнокомандующаго отпускъ въ Петербургъ, гдѣ, повидимому, отъ не могъ надѣяться на особенно благосклонный приѣмъ. Причиною успѣшнаго его отъѣзда было однако же слѣдующее письмо, полученное имъ отъ императрицы:

«Господинъ генерал-поручикъ и кавалеръ, вы, я чаю, столь упражнены глазнѣемъ на Силистрію, что вамъ нѣвогда письма читать; и хотя я по сю пору не знаю, предупѣла-ли ваша бомбардирада, но тѣмъ не меньше я увѣрена, что все то, что вы сами предприимлетѣ, ничему иному приписать не должно, какъ горячему вашему усердію ко мнѣ персонально и вообще къ любезному отечеству, котораго службу вы любите. Но какъ съ моей стороны я желаю ревностныхъ, храбрыхъ, умныхъ и искусныхъ людей сохранить, то васъ прошу по пустому не вдаваться въ опасности. Вы, читавъ сіе письмо, можетъ-статься здѣлаете вопросъ: къ чему оно писано? На сіе вамъ имѣю отвѣтствовать: къ тому, чтобъ вы имѣли подтвержденіе моего образа мыслей

въ васъ; ибо я всегда къ вамъ весьма доброжелательна. Екатерина, декабря 4 числа 1773 г. Скажите и бригадиру Павлу Потемкину ¹⁾ спасибо за то, что онъ хорошо турокъ принялъ и угостилъ, когда они пришли за тѣмъ, чтобъ у васъ батарею испортить на острову». (Адресъ рукою же императрицы): «Григорію Александровичу Потемкину» ²⁾

Это письмо — подорожная Потемкина на его пути въ почестямъ—служить вмѣстѣ съ тѣмъ оправданіемъ его отъ всякихъ подозрѣній въ какихъ-либо проискахъ противъ многочисленныхъ недоброжелателей.

Прибывъ въ Петербургъ въ началѣ января 1774 г., когда дворъ находился въ Царскомъ Селѣ и общественный къ нему доступъ былъ не свободенъ, Потемкинъ обратился къ (внязю) Григорію Орлову съ просьбою доложить императрицѣ о его приѣздѣ. Соизволеніе послѣдовало и онъ представился государынѣ на слѣдующій день въ пять часовъ пополудни. Черезъ нѣсколько дней дворъ возвратился въ Петербургъ и Потемкинъ получилъ приглашеніе посѣщать комнатныя и эрмитажныя собранія. Благоволеніе императрицы къ Потемкину возбудило тревожныя опасенія въ партіи графа Панина и въ повровителяхъ Васильчикова; но всякое противодействие было тщетно. Къ тому же, находясь при дворѣ, Потемкинъ умѣлъ такъ держать себя, что и не вызывалъ Панина на борьбу, хотя въ тожѣ время враждебно относился къ Орловымъ. Наконецъ, ободренный милостивымъ обхожденіемъ императрицы, Потемкинъ, 27-го февраля 1774 года, обратился къ ней съ письмомъ, въ которомъ «принялъ дерзновеніе, павъ во священныхъ стопамъ В. И. В. просить, ежели служба моя достойна, вашего благоволенія, и когда щедрота и высокомонаршая милость ко мнѣ не оскудѣвають, разрѣшить сіе сомнѣніе мое пожалованіемъ меня въ генерал-адъютанты В. И. В.»

¹⁾ Павелъ Сергѣевичъ Потемкинъ (впослѣдствіи графъ, род. 1743 † 1796 г.)

Въ «Русской Старинѣ» П. С. Потемкину и его непривлекательной личности посвящены многія страницы. Назначеніе губернаторомъ въ Тверь (т. I, 317);— главнокомандующимъ въ Казань (II, 226). Распоряженія во время Пугачевщины (II, 335, 345). Допросъ Пугачева (351—353). Инструкція данная Екатериною (400—402). Донесеніе (402—404). Биографическія свѣдѣнія о немъ (IV, 574—577). Письма къ И. И. Шувалову (V, 346) и проч.

²⁾ Сборникъ Имп. Рус. Ист. Общества, т. XIII, стр. 373.

Отвѣтъ не замедилъ. Просьба была исполнена. ¹⁾

7-го марта 1774 г. письмо Екатерины къ А. И. Бибикову о мѣропріятіяхъ противъ свирѣпствовавшей пугачевщины начиналось слѣдующими словами:

«Александръ Ильичъ! Во-первыхъ, скажу вамъ вѣсть новую. Я прошедшаго марта 1-го числа Григорья Александровича Потемкина, по его просьбѣ и желанію къ себѣ, взяла въ генерал-адъютанты; а какъ онъ думаетъ, что вы, любя его, тѣмъ обрадуетея, то сіе къ вамъ и пишу. А кажется мнѣ, что по его во мнѣ вѣрности и заслугамъ, немного для него сдѣлала, но его о томъ удовольствіе трудно описать; а я, глядя на него, веселюсь, что хотя одного человѣка совершенно довольнаго около себя вижу». ²⁾

Черезъ недѣлю (15-го марта) Потемкинъ былъ пожалованъ въ подполковники Преображенскаго полка; а въ 20-му числу того-же мѣсяца А. С. Васильчиковъ былъ удаленъ отъ двора въ Москву, осыпанный милостями. Гельбигъ, отзываясь объ этомъ мимолетномъ фаворитѣ съ величайшею похвалою, говоритъ: ³⁾ ... «Васильчиковъ, менѣе чѣмъ въ два года, получилъ, по печатнымъ извѣстіямъ, деньгами и вещами слѣдующее: 100 тысячъ рублей наличными деньгами, семь тысячъ душъ крестьянъ, дававшихъ по меньшей мѣрѣ 35,000 ежегоднаго дохода; бриліантовъ на 60,000 руб.; серебряный сервизъ въ 50,000 рублей; пенсію въ 20.000 руб. ежегодно; великолѣпно меблированный домъ въ Петербургѣ, на дворцовой площади, противъ оконъ императрицныхъ покоевъ. Этотъ домъ былъ выстроенъ по собственному начертанію императрицы повелѣвшей, чтобы по величинѣ не было ему равнаго во всемъ Петербургѣ. Но такъ какъ домъ этотъ отстроился уже въ то время, какъ Васильчиковъ былъ въ Москвѣ, Екатерина купила его у отсутствующаго хозяина за сто т. руб. Вскорѣ по удаленіи своемъ отъ двора, Васильчиковъ женился и былъ очень счастливъ въ супружеской жизни своей. Часто говорилъ онъ потомъ: «дѣйствительныя заслуги государственныя

¹⁾ Оба письма напечатаны Бантышъ-Каменскимъ (Словарь изд. 1836 г. Часть IV, стр. 201, и Біографіи генералисимусовъ 1840 г. Часть II, стр. 61—62).

²⁾ См. «Р. А.» 1866 г., стр. 396, и Сборникъ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества 1874 г., томъ XIII, стр. 395.

³⁾ Russische Günstlinge, s.s. 384—385.

никогда не дали бы мнѣ тѣхъ богатствъ, какія приобрѣлъ я, благодаря слѣпому случаю».

Между тѣмъ повышеніе Потемкина возрастало съ каждымъ днемъ: 19-го апрѣля (наканунѣ Свѣтлаго праздника) король польскій Станиславъ-Августъ пожаловалъ ему орденъ Бѣлаго Ора; 21-го апрѣля, въ день рожденія императрицы, онъ получилъ орденъ св. Александра Невскаго. Бантышъ-Каменскій рассказываетъ, будто вскорѣ послѣ этого Потемкинъ внезапно удался въ Александро-Невскую лавру, отпустилъ бороду, надѣлъ монашеское платье. Но нашъ почтенный историкъ перемѣшалъ года, и событія 1764 г. отнесъ къ 1774 г. Въ теченіе 1774 г. Потемкинъ ни на одинъ день не отлучался отъ двора, принимая дѣятельнѣйшее участіе въ распоряженіяхъ правительства о преслѣдованіи Пугачева и его сообщниковъ. Довѣріе и благоволеніе государыни къ Григорію Александровичу было тогда неограничено. Такъ въ томъ же апрѣлѣ 1774 г. она писала къ нему:

«Хочется мнѣ весьма всѣ произвожденія сегодня кончить, какъ гвардейскія, такъ и армейскія; но не вѣдаю, успѣю-ли и изъ сего мнѣ ожидать потомъ будетъ много недовольныхъ людей и лицъ, вторыхъ всѣхъ, чаю, сегодня же, или завтра увижу и таковыя дни для меня такъ пріятны, какъ пилюли принимать. Фу! какъ хорошо быть на моемъ мѣстѣ! Allons, encouragez moi avec quelque chose (ободрите же меня чѣмъ-нибудь). Вѣдь Павлу Сѣргѣевичу (Потемкину) достается въ генерал-маіоры; изволишь-ли это вѣдать? Велю ему ѣхать къ Бибикову. Объ ласкѣ моей упомянуть нечего: ты самъ видѣлъ; какова я была вчерась, такова и сегодня. Еслибъ ты мнѣ пожаловалъ три дни сроку еще, я-бъ все съ большимъ порядкомъ устроила и приготовила, а черезъ то ничего потеряно не было бы. Прощай, сударикъ».¹⁾

Въ исходѣ апрѣля 1774 г. Потемкину было отведено помѣщеніе въ покоехъ дворца; весну и лѣто, до поздней осени онъ безотлучно находился при императрицѣ; былъ непремѣннымъ ея совѣтникомъ во всѣхъ государственныхъ дѣлахъ; онъ принялъ на себя посредничество, чтобы чрезъ графа Никиту Ивановича убѣдить его брата, графа Петра Ивановича Панина,²⁾ принять

¹⁾ Сборникъ И. Р. И. Об. т. XIII, стр. 403.

²⁾ Графъ Петръ Ивановичъ Панинъ (р. 1721 † 1789 г.). См. Біографическій очеркъ («Русская Старина», т. VIII, 339—345); его дѣйствія въ низовомъ

на себя великій трудъ окончательнаго истребленія пугачевщины; способствовалъ къ скорѣйшему заключенію мира съ Турціею (10-го іюля); обратилъ вниманіе императрицы на опасность, угрожавшую тогда Россіи съ юго-запада: духъ пугачевщины, проникнувъ въ казакамъ-запорожцамъ, могъ охватить мятежемъ побережья Днѣпра, по этому Потемкинъ подалъ Екатеринѣ мысль объ уничтоженіи Сѣчи Запорожской. Въ указѣ, данномъ Потемкину (отъ 21-го іюля 1774 года) о превращеніи безпкойствъ и замѣшательствъ въ земляхъ Новороссійскихъ, съ Сѣчею Запорожскою, онъ былъ наименованъ «Новороссійской губерніи генерал-губернаторъ». Въ декабрѣ 1774 г. Потемкинъ былъ генерал-аншефомъ, вице-президентомъ военной коллегии и кавалеромъ ордена св. Андрея Первозваннаго.

III.

Первое полугодіе 1775 г. было посвящено Потемкинымъ важному дѣлу — уничтоженію Сѣчи Запорожской. Согласно его распоряженіямъ и данной имъ инструкціи, генерал-поручикъ Петръ Авраамовичъ Текеллій, съ сильнымъ отрядомъ войскъ явился на Запорожье. Дѣло обошлось безъ кровопролитія, довольно мирно. Сѣча, или главное мѣсто казаковъ (Екатеринославской губерніи и уѣзда, близъ мѣстечка Никополя, нынѣ село Покровское), было занято; войсковыя регалии (бунчуки, булавы и проч.) при депутаціи были отосланы въ Петербургъ, а 3-го августа 1775 г. послѣдовалъ манифестъ о включеніи земли Запорожской въ составъ Новороссійской губерніи. Съ выборными атаманами, прибывшими въ Петербургъ нужна была особая дипломатика: подъ личиною простоты они были не прочь похитрить, полукавать, выговорить кой-какія льготы и привилегіи. Но Потемкинъ побѣдилъ наивныхъ хитрецовъ ихъ же оружіемъ: простота и привѣтливость его обхожденія, умѣнье польстить простодушнымъ воякамъ очаровали ихъ и батько Грыцко (такъ запорожцы прозвали Потемкина), усилилъ русскія войска присоединеніемъ къ нимъ нѣсколькихъ десятковъ тысячъ храбрыхъ и вѣрныхъ

краѣ въ 1774 г. (т. II, 117, 226, 227, 330, 331, 334, 336, 356, 357); письма къ нему архіепископа Веніаміна (II, 413—414)—къ Д. И. фонъ-Везину (VIII, 907—909) и проч.

черноморцевъ. Хотя вѣковое сочувствіе запорожцевъ въ Россіи было до нѣкоторой степени порукою за ихъ покорность, однако же, въ виду недавнихъ мятежей яицкихъ (уральскихъ) и участія въ пугачевщинѣ донскихъ казаковъ, присоединеніе Запорожья было дѣломъ, требовавшимъ много ума и отважности, которыя и были выказаны Потемкинымъ.

Милости и щедроты Екатерины къ ея любимцу, превосходившія его заслуги, продолжались и въ теченіе 1775 года. 10-го іюля, въ день празднованія мира съ Портою Оттоманскою, Потемкинъ былъ возведенъ въ графское достоинство російской имперіи «за споспѣшествованіе миру добрыми совѣтами», получилъ золотую шпагу, осыпанную алмазами: «за храбрыя и неутомимыя труды»; портретъ императрицы, осыпанный брилліантами, для ношенія на груди на андреевской лентѣ: «въ знакъ монаршаго благоволенія». Въ ноябрѣ того же 1775 г., гр. Петръ Александровичъ Румянцевъ, какъ старшій кавалеръ ордена св. Георгія, поднесъ императрицѣ объясненіе о службѣ гр. Потемкина, удостоивая его въ 1-й классъ военнаго ордена. Однако же Потемкинъ отклонилъ отъ себя незаслуженную награду, довольствуясь орденомъ св. Георгія 2-го класса.

Въ образѣ жизни своей новый вельможа являлъ причудливую смѣсь роскоши съ крайнею простотою, дѣятельности—съ праздностью. Живя въ отведенныхъ для него покоехъ Зимняго дворца, онъ, посѣщая эрмитажныя собранія, удивлялъ присутствующихъ пышностью наряда и нецеремонностью обхожденія, не стѣсняясь въ привычкахъ.¹⁾ Иногда по цѣлымъ днямъ не выходилъ изъ своей комнаты: сидѣлъ въ комнатѣ, босой, не чесанный, не мытый, грызя ногти. Тѣже странности проявлялись и въ его вкусѣ: затѣливыя блюда изящной кухни и самыя простонародныя яства смѣнялись у него за столомъ, въ угоду страннымъ причудамъ и прихотямъ; отъ ананасовъ или персиковъ баловень счастія переходилъ къ рѣдкѣ или клюквѣ. Во всякомъ удовольствіи—возможное и исполнимое не привлекало его желаній. И въ нравственномъ и

¹⁾ Въ шутиломъ уставѣ для посѣтителей эрмитажныхъ собраній, собственноручно написанномъ Екатериною II, третій параграфъ относился къ Потемкину: «быть веселымъ, однако-жъ ничего не протить, не ломать и ничего не грызть».

въ физическомъ отношеніяхъ пресыщеніе было во всю жизнь Потемкина его неизлечимымъ недугомъ.

Новый 1776 г. начался для него подъ самыми благоприятными предзнаменованіями. Государыня пожаловала ему въ присоединенной отъ Польши, Бѣлоруссіи, воеводство Кричевское, заселенное 14,000 душъ; подарила ему Аничковъ дворець и 100,000 рублей на его поправку и мебелировку; пожаловала Потемкина поручикомъ кавалергардскаго корпуса; исходатайствовала ему княжеское достоинство римской имперіи съ титуломъ свѣтлѣйшаго; удостоила званія статс-дамы его родительницу, Дарью Васильеву; приблизила ко двору его сестерь и племянницъ. Могущество Потемкина заставило многихъ европейскихъ государей искать въ немъ и, такимъ образомъ, онъ получилъ ордена: прусскій—Чернаго Орла, датскій—Слона, шведскій—Серафима. При всей наружной безпечности и самоувѣренности, Потемкинъ однако же зорко слѣдилъ за недавними врагами и за лицами, которые могли бы преградить ему путь на поприщѣ ненасытнаго честолюбія. Еще въ 1775 г., во время пребыванія двора въ Москвѣ, государынѣ представлялся генерал-поручикъ князь Петръ Михайловичъ Голицынъ:¹⁾ Тридцати шести лѣтній вдовецъ,²⁾ красавецъ собою, умный, превосходно образованный, одинъ изъ недавнихъ побѣдителей Пугачева—онъ обратилъ на себя особенное, но справедливое вниманіе императрицы. Рассказываютъ, будто чувство зависти до такой степени овладѣло Потемкинымъ, что онъ рѣшился на поступокъ, приличный итальянскому герцогу XVI вѣка, но не русскому вельможѣ XVIII столѣтія. Увѣряють, будто бы онъ уговорилъ Петра Ампліевича Шепелева,³⁾ изъ-за ничтожной причины придратъся къ кн. Голицыну и вызвать его на поединокъ. Петръ Ампліевичъ Шепелевъ исполнилъ желаніе своего покровителя—и 11-го ноября 1775 г. убилъ кн. Голицына на поединкѣ «измѣнническимъ образомъ». Достойною наградою Шепелева за этотъ подвигъ впослѣдствіи была рука племянницы

¹⁾ Князь Петръ Михайловичъ Голицынъ (р. 15-го декабря 1738 † 11-го ноября 1775 г.).

²⁾ Женатъ былъ на княжнѣ Екатеринѣ Александровнѣ Долгорукой (р. 15-го ноября 1745 † 26-го марта 1770 г.).

³⁾ Петръ Ампліевичъ Шепелевъ р. 29-го іюня 1737 † 8-го ноября 1828 г. (См. «Русская Старина», т. IV, стр. 390).

Потемкина, Надежды Васильевны Измайловой, рожденной Энгельгардъ,¹⁾ женщины до того безобразной, что вельможный дядя самъ называлъ ее: «Надежда-безнадежная».²⁾

Въ декабрѣ 1775 года, въ бытность въ Москвѣ, императрица просила фельдмаршала, графа Петра Александровича Румянцева, рекомендовать ей двухъ молодыхъ людей для занятія секретарской должности при ея кабинетѣ. Румянцевъ представилъ ей, какъ способнѣйшихъ, двухъ уроженцевъ Украйны, пользовавшихся особеннымъ покровительствомъ графа Кирилла Григорьевича Разумовскаго.³⁾ То были — Петръ Васильевичъ Завадовскій⁴⁾ и Александръ Андреевичъ Безбородко.⁵⁾

Этотъ выборъ былъ непріятенъ Потемкину. Покровительство, оказываемое молодымъ людямъ Румянцевымъ и Разумовскимъ, расположеніе къ нимъ князя Григорія Орлова, — все это заставило могучаго любимца опасаться происковъ обоихъ новыхъ кабинет-секретарей. Государыня, до времени, въ равной степени награждала ихъ усердіе; однако же въ маѣ 1776 года ея особенная благосклонность къ Завадовскому не укрылась отъ Потемкина, тѣмъ болѣе, что императрица, благоволя кабинет-секретарю, начала оказывать Потемкину нѣкоторую холодность. Чувство оскорбленнаго самолюбія заглушило въ Потемкинѣ самую осторожность и онъ подалъ прошеніе императрицѣ объ увольненіи его въ отпускъ въ Новгородъ для инспекціи войскъ. На этотъ отпускъ государыня соизволила. Отсутствіе Потемкина поспособство-

¹⁾ Она овдовѣла въ 1791 г.; вышла за Шепелева въ 1783 г.

²⁾ См. «Русская Старина», т. IV, стр. 390.

³⁾ Графъ Кириллъ Григорьевичъ Разумовскій (родился 1728 † 9-го января 1803 г.). См. «Русская Старина», т. I, 18, 216, 233, 234 (изд. второе: 44, 99, 116, 117); т. II, 106, 194, 197; т. III, 594, 596; т. IV, 60, 67, 379, 385, 693; т. V, 130; т. VIII, 706; т. XI, 244.

⁴⁾ Петръ Васильевичъ Завадовскій (впослѣдствіи графъ, дѣйств. тайный совѣтникъ, кавалеръ всѣхъ россійскихъ орденовъ, министръ народнаго просвѣщенія и предсѣдатель департамента законовъ, род. 1733 † 10-го января 1812 г.). См. «Русская Старина», т. IV, 390; т. V, 245, 246; т. VII, 491; т. VIII, 739; т. X, 781; т. XI, 54.

⁵⁾ Александръ Андреевичъ Безбородко (впослѣдствіи свѣтлѣйшій князь, великій канцлеръ россійской имперіи, родился 14-го марта 1747 † 6-го апрѣля 1799 г.). См. «Русская Старина», т. III, 47; т. IV, 308, 571; т. V, 771; т. VI, 406, 413, 420, 421, 424, 425; т. VIII, 732—733, 887—889; т. X, 45, 772—773; т. XI 241—242.

вало Завадовскому занять мѣсто довѣреннаго лица при Екатеринѣ и на него посыпались обильныя милости. Гельбигъ ¹⁾ приводитъ въ книгѣ своей нѣкоторыя цифровыя данныя денежныхъ наградъ, полученныхъ Завадовскимъ въ бытность его въ милости. Въ маѣ 1776 года ему было пожаловано три тысячи душъ въ Малороссіи; при удаленіи отъ двора (1777 г.) восемьдесятъ тысячъ рублей, единовременно, пять тысячъ пенсій; тысяча восемьсотъ душъ крестьянъ въ Россіи и двѣ тысячи крестьянъ въ Польшѣ. Наконецъ, ему подарили серебряный сервизъ въ 80,000 руб. Пользуясь выгоднымъ своимъ положеніемъ при дворѣ, Завадовскій, присоединясь къ партіи, враждебной Потемкину, имѣлъ самонадѣянность отважиться на попытку поколебать довѣріе къ нему императрицы. Онъ рассчитывалъ на содѣйствіе Григорія Орлова; но съ опальнымъ вельможею произошла тогда важная перемѣна: страстно влюбленный въ двоюродную свою сестру, фрейлину Екатерину Николаевну Зиновьеву, ²⁾ онъ отделился отъ всякаго вмѣшательства, какъ въ дѣла правительственныя, такъ и придворныя. Въ слѣдующемъ 1777 году (вѣрнѣе, въ томъ же 1776) Орловъ на ней женился, изъ-за чего, какъ извѣстно, въ совѣтѣ императрицы возникло цѣлое дѣло, рѣшеніе котораго угрожало Орлову расторгеніемъ брака. Однако же императрица, признательная къ его заслугамъ, не только признала бракъ законнымъ, но; щедро одаривъ новобрачныхъ, назначила молодую княгиню Орлову въ статсъ-дамы. Потемкинъ возвратился въ Петербургъ вскорѣ послѣ этой свадьбы. ³⁾

Съ возвращеніемъ Потемкина въ Петербургъ всѣ возни его недоброжелателей разсѣялись прахомъ: 8-го іюня 1777 г. Завадовскому данъ былъ отпускъ въ Малороссію, откуда онъ возвра-

¹⁾ Helbig: Russische Günstlinge, 397—398.

²⁾ Екатерина Николаевна Зиновьева, по мужу княгиня Орлова, родилась 1752 + 1782 г. См. «Русская Старина», томъ IV. 312.

³⁾ О продолжительности отсутствія Потемкина въ отпуску встрѣчаемъ противорѣчія. Державинъ въ своихъ «Запискахъ» (стр. 112) говоритъ: Въ половинѣ 1776 года случилось, что кн. Потемкинъ, бывшій любимецъ, впасть при дворѣ въ немилость и долженъ былъ проживать нѣсколько мѣсяцевъ въ Новѣгородѣ. Гр. А. Н. Самойловъ говоритъ, что дозволеніе ѣхать въ отпускъ дано ему было съ условіемъ и чтобы время отпуска изъ Петербурга не продолжалось болѣе какъ три недѣли, («Р. А.» 1867 г., стр. 1207). Въ примѣчаніи 12 къ статьѣ «Случайные люди въ Россіи, («Р. А.» 1865 г., стр. 405) сказано, что князь Орловъ женился въ іюнѣ 1776 года и въ тоже время Потемкинъ опять явился

тился въ маѣ слѣдующаго года. Къ чести Потемкина замѣтимъ, что онъ, признавая въ недавнемъ своемъ противникѣ, несомнѣныя способности, не препятствовалъ ему, личными своими заслугами, пролагать себѣ путь къ повышеніямъ.

Не распространяясь о дѣятельности Потемкина въ 1777 г. (посвященной преимущественно заботамъ о Новороссійскомъ краѣ, важнымъ преобразованіямъ въ казачьихъ войскахъ и мѣропріятіямъ къ осуществленію «греческаго проефта»), остановимся на документахъ, знакомящихъ съ нравственнымъ складомъ его характера.

Извѣстно, что благосклонность императрицы Екаторины къ Потемкину распространилась и на его родственницъ: мать его, Дарья Васильевна, была пожалована въ статс-дамы (1776); племянницы Потемкина и дочери сестры его, Мары Александровны, удостоены были званія фрейлинъ: Александра (10-го іюля 1775 г.; камер-фрейлина 24-го ноября 1777 г.; статс-дама 12-го ноября 1787 г.; обер-гофмейстерина 1-го января 1824 г.)¹⁾ Варвара (въ 1777 году). Надежда (въ 1777 году). Екатерина (1776 г.); статс-дама 17-го августа 1786 г.; кавалерственная дама ордена св. Екаторины 1-го класса 18-го апрѣля 1809 г.; гофмейстерина 1-го января 1824 г. Татьяна (11-го декабря 1781 г.). Стараніями Потемкина деревенскія барышни получили самое блестящее образованіе и были украшеніемъ двора Екаторины. Александра и Варвара были любимицами вельможнаго дяди. Всѣ племянницы Потемкина отличались красотою и существуетъ преданіе, что каждый разъ, когда онъ его посѣщали, онъ дарилъ имъ по червонцу, а Екаторинѣ Васильевнѣ — бриліанты. «Старшая изъ нихъ — говоритъ Вигель въ своихъ «Запискахъ»²⁾ — уже неспособна была къ принятію блестящей образованности екатерининскаго двора; но, имѣя умъ, характеръ, бывши въ самыхъ тѣсныхъ связяхъ съ всемогущимъ своимъ дядею, она облеклась

въ Петербургъ. Наконецъ въ біографіи князя Григорія Григорьевича Орлова («Р. А.» 1873 г., стр. 134) сказано, что онъ, вѣнчался въ іюнѣ 1777 года; — на стр. 135 говорится, что въ 1777 году онъ съ женою ѣздилъ въ Швейцарію. Если признать точность этой цифры, то окажется, что отсутствіе Потемкина изъ Петербурга продолжалось съ мая 1776 года, что едва ли могло быть.

¹⁾ См. «Русская Старина», томъ II, стр. 474—475.

²⁾ Воспоминанія Ф. Ф. Вигеля, томъ I, стр. 45—47.

въ какую-то величественность и ею прикрывала недостатки своего воспитанія... Она не роза, но жила близъ нея и отпечатокъ величія Екаторины долго еще блисталъ на ней».

Характеръ второй племянницы Потемкина, Варвары Васильевны, вполне обрисовывается въ нижеслѣдующей ея перепискѣ. Она по-своему любила дядю, но терзала его ревностью, капризами, непостоянствомъ и безпрестанными просьбами о пожалованіи мѣстъ и чиновъ ея друзьямъ и знакомымъ. При всемъ желаніи угождать избалованной племянницѣ, Потемкинъ нерѣдко былъ поставляемъ въ необходимость отказывать ей. Выйдя замужъ за князя Сергѣя Ѳеодоровича Голицына (въ январѣ 1779 года), Варвара Васильевна была примѣрною женою, матерью и хозяйкою. Изъ десяти сыновей ея, девять занимали видныя мѣста и имѣли почетную дѣятельность. Сама княгиня Голицына любила литературу, занималась ею,¹⁾ соединяла вокругъ себя артистовъ и литераторовъ, и постояннымъ посѣтителемъ этого кружка, въ числѣ прочихъ, былъ И. А. Крыловъ. Ее воспѣвалъ Державинъ (пять послѣднихъ строфъ стихотворенія: «Осень во время осады Очакова») называя «златовласою Пльнирою». Еще въ 1780 году (когда Варварѣ Васильевнѣ было двадцать три года) бардъ екатерининскаго вѣка сказалъ о ней:

«Благопріятный нравъ, черты твои прекрасны
Обворожаютъ всѣхъ въ единый мигъ тобой:
Безъ разсужденія сердца тебѣ подвластны
И съ разсужденіемъ всѣмъ плѣнъ пріятель твой!»

Въ пяти строфахъ оды: «Осень во время осады Очакова» (см. Сочиненія Державина изд. 1864 г., въ 4 д. л., томъ I, стр. 227—230), написанной Державинымъ въ Тамбовѣ и посвященной кн. С. Ѳ. Голицыну, супруга котораго проживала въ своемъ селѣ Зубриловкѣ, находимъ нѣкоторые намекы на отеческія отношенія Потемкина къ племянницѣ:

Твоя супруга златовласа,
Пльнира сердцемъ и умомъ.
Давно желаннаго ждешь гласа,
Когда ты къ ней прійдешь въ домъ;

¹⁾ Княгиню В. В. Голицыною сочиненъ романъ: «Заблужденія отъ любви или письма отъ Фанелін къ Мильфурту». 2 части. Тамбовъ. 1790 г., 8° (у Сопкина № 4.136. у Смирдина 8.815).

Когда съ горячностью обнимешь
Ты семерыхъ твоихъ сыновъ,
На матеръ нѣжны взоры вскинешь
И въ радости не смѣнешъ словъ:

Когда обильными рѣчами
Потомъ восторгъ свой изъявишь,
Безцѣнными побѣдъ вѣнцами
Твою супругу удивишь:
Геройскія дѣла расскажешь,
Ея ты дяди и отца,
И духъ и умъ его докажешь
И какъ къ себѣ онъ влекъ сердца.

.....
Она къ тебѣ вседневно пишетъ,
Твердить то славу, то любовь;
То жалостью, то нѣгой дышетъ;
То страхъ ея смущаетъ кровь;
То дядѣ торжества желаетъ,
То жаждетъ мужниной любви;
Мятеся, борется, вѣщаетъ:
Коль долгъ велить, ты лавры рви!

Вигель, лично знавшій княгиню Варвару Васильевну Голицыну, говорить къ своихъ запискахъ:¹⁾

«Когда я началъ знать ее, такое названіе («Плѣнника сердцемъ и умомъ») уже ей не было прилично, хотя черты ея были неподобныя и въ сорокъ лѣтъ она сохраняла свѣжесть двадцатилѣтней дѣвы. Но сильныя страсти, коихъ вслѣдствіе дурнаго воспитанія, она никогда не умѣла обуздывать, дали ея лицу весьма непріятное выраженіе... «Она чрезвычайно любила власть и деньги, любила безъ памяти мужа и одного изъ сыновей своихъ (Михаила) и терпѣть не могла противорѣчій, а какъ разсудокъ ея былъ не весьма обширенъ, то никакіе доводы не могли ее убѣждать».

Но мы не видимъ надобности приводить дальнѣйшихъ отзывовъ о характерѣ княгини Варвары Васильевны Голицыной, представляя переписку, въ которой, тогда еще двадцатилѣтняя, племянница Потемкина выказываетъ всѣ свѣтлыя и темныя стороны своего нрава. Замѣтимъ только, что Потемкину въ годъ его

¹⁾ Воспоминанія Ф. Ф. Вигеля, томъ I, стр. 130—132.

переписки было уже тридцать восемь лѣтъ; въ этомъ возрастѣ человѣку должны быть чужды юношескія увлеченія химерической любовью, особенно такому человѣку, каковъ былъ Потемкинъ. Но этотъ исполинъ царствованія Екатерины, какъ истый сынъ своего вѣка, былъ покорнымъ данникомъ духа времени. Пресыщенный любовью, не встрѣчая отказа страстнымъ своимъ желаніямъ и въ самыхъ непреклонныхъ красавицахъ, онъ искалъ вдохновенія для души въ полу-идеальной, полу-страстной любви молоденькой дѣвушки, близкой родственницы. Въ чувствахъ своихъ къ Варварѣ Энгельгардтъ Потемкинъ соединилъ чистую нѣжность отца, страстность влюбленнаго и покорность слабохарактернаго мужа. Любопытно, что въ одинъ и тотъ же годъ (1777) Григорій Орловъ, очарованный своею двоюродною сестрою, женился на ней, а Потемкинъ писалъ нѣжные письма въ своей племянницѣ. Характеристическая черта нравовъ того времени.

Эта переписка относится къ 1777—1779 годамъ и составляетъ одинъ изъ романическихъ эпизодовъ въ жизни Потемкина.

Варвара Энгельгардтъ — Потемкину.

„Я никакъ бы не думала, что вы, осердясь, ушли вчера отъ меня. Хорошо, бабушка, положимъ, что я вамъ досадила; да вѣдь вы знаете, когда я разосплюсь, то сама себя не помню; къ тому же, прежде, я получила письмо отъ бабушки, которое меня взбѣсило, то можно-ль уйти?... За это теперь я вижу, что вы меня ничего ¹⁾ не любите. Когда-бъ вы знали, чего мнѣ стоила эта ночь, душа злая моя, ангелъ мой, невзыщи пожалуста, мое сокровище безцѣнное; приди, жизнь моя, ко мнѣ теперь, ей-Богу грустно, моя душа, напиши хоть строчку, утѣшь свою Вариньку.

„Виновата я предъ вами, только Бога ради несердись, прости, бабушка; цѣлую миллионы разъ и думаю, какъ вы теперь на меня сердиты, то вамъ это непріятно.

Потемкинъ — Варварѣ Энгельгардтъ.

„Варинька, душа моя, ворожея твоя дура; она ничего не знаетъ. Немного было угадать, что ты письмо, пріѣхавши, получишь; а того она, дура, не узнала, что я самъ, сегодня, буду тебя цѣловать. Прости, моя жизнь милая, ангелъ мой, улыбочка моя милая.

1) Нисколько.

„Моя божественная Варинька, ты видишь, сколько я имѣю заботы; мнѣ твоя болѣзнь тяжелѣе собственной жизни. Послушай меня, а больше государыню, которая приказала весьма милостиво тебѣ сказать, чтобы ты пила спа-вассеръ, и повуда будешь пить, не ѣсть горячихъ пироговъ, ни хлѣба теплаго. Она увѣрять изволилъ, что ты, выпивши стакановъ пять, будешь здорова и хандры не будетъ, да при этомъ движеніе должно имѣть.

„Прости, mon amour, mon âme, mon tout ce que j'aime (моя любовь, моя душа, мое все, что я люблю).

„Варинька, когда я тебя люблю до безконечности, когда мой духъ не имѣетъ, oprичъ тебя, другой пищи, то если ты этому даешь довольную цѣну; мудро-ли мнѣ вѣрить, когда ты обѣщала меня любить вѣчно. Я люблю тебя, душа моя, а какъ?... Такъ какъ еще никого не любилъ... Не дивись, ежели ты видишь меня иногда въ грусти. Бываютъ движенія невольныя, и я чувствую очень, что нѣтъ резона; токмо владѣть собою не могу. Прости мое божество милое; я цѣлую всю тебя.

„Варвара Васильевна, развѣ такъ ты должна встрѣчать мою ласку? Что ты думаешь, я неувѣренъ въ твоёмъ безкорыстіи? А я думаю мнѣ вы позволите поступать по моей иногда волѣ съ вами, а особливо въ вещахъ, которыхъ гораздо больше у меня, нежели у васъ. Знайте и то, что я всёхъ васъ дарю, и впередъ хочу, въ иманины, прилагать нѣчто и денегъ. Потому что вамъ жить надобно сходственно съ моею знатностію. Вы меня огорчили, встрѣтивши мою ласку сердечную такъ грубо.

„Для чего выключать;¹⁾ до воскресенья еще далеко, можетъ быть, дастъ Богъ здоровья, и какъ мнѣ играть государыней. Она положила вамъ быть въ кадрили; вѣдь это не дежурство, что одна за другую ходятъ. Я, Варвара Васильевна, самъ не могу, а ты вѣрно была бы здорова, ежели бы слушалась меня.

„Не забылъ я тебя, Варинька, и не забуду никогда, а каковъ я вчера былъ, оставшись, то тебѣ расскажетъ Зомеръ,²⁾ да и теперь не могу такъ, что не могъ остаться сидѣть у государыни. Я еще, душенька,

¹⁾ Говорится о кадрили на придворномъ балѣ, въ которой должна была танцевать Варвара Васильевна.

²⁾ Повѣренный свѣтлѣйшаго, разносившій его сердечныя письма.

въ первый разъ вижу, что ты разсудила отвѣсть мою душу, когда я въ превеличайшей грусти. Я, какъ ни слабъ, но приду къ тебѣ... Жизнь моя, ни что мнѣ такъ не мило, какъ ты.

„Варинька, жизнь моя, ангелъ мой; пріѣзжай, голубушка, сударга моя, коли меня любишь. Государыня сама изволила приказать, чтобъ ты была завтра на ужинѣ у Льва Александровича (Нарынкина?) а Надеждѣ Васильевнѣ безъ тебя нечего дѣлать... Сударга, одѣнься хорошенько и будь хороша и мила; ангелъ мой, цѣлую тебя крѣпко.

„Ангелъ мой, твоя ласка столько же мнѣ пріятна, какъ любезна. Другъ безцѣнный, сочти мою любовь къ себѣ и увидишь, что ты моя жизнь и утѣха, мой ангелъ; я тебя цѣлую безъ счета, а думаю еще больше. Прости, твой вѣрнѣйшій по смерть П.

„Голубушка, Варинька, душа моя, ежели это твой портретъ, то онъ не схожъ, а похожъ онъ на твою Грушку. Прости, мои губки сладкія, приходи обѣдать, я и сестеръ звалъ.

„Варинька, Варюшечка, душа моя, я посылаю Зомера къ вамъ, онъ мнѣ сказалъ, что у тебя голова болитъ; жаль мнѣ, душа моя; однакожъ будь весела и съ пріятной твоей улыбочкой. Ангелъ мой, естлибъ знала, сколько я тебя люблю. Adieu mon ангелъ.

„Матинька Варинька моя, другъ мой, жизнь моя, я тебя цѣлую. Завтра, послѣ концерта, буду самъ; я бы и ранѣе пріѣхалъ, но никакъ нельзя. О гофмейстеринѣ просилъ и пріѣхавши тебѣ расскажу. Кажется хорошо.

„Прости, мой ангелъ, посылаю тебѣ дынь.

„Матушка, Варинька, душа моя; жизнь моя. Ты заспалась, дурочка, и ничего не помнишь. Я, идучи отъ тебя, тебя укладывалъ и разцѣловалъ, и одѣлъ шлафракомъ и одѣяломъ, и перекрестилъ.

„Мнѣ, душенька, легче, я желаю, чтобъ тебѣ было веселѣе безъ меня, нежели мнѣ безъ тебя, и чтобъ ты помнила обо мнѣ, какъ я о тебѣ. Александръ Васильевичъ (Энгельгардтъ) легче; мнѣ, моя душа милая, скучно, что я тебя не увижу. Мой ангелъ, Варинька, кто тебя можетъ любить столько, какъ я. Мой другъ, губки мои любезныя, матушка, сокровище мое. Я въ субботу буду въ тебѣ, а для того тебѣ сюда ѣхать не совѣтую. Прости, моя жизнь, цѣлую тебя.

„Завтра пойду въ баню.

„Варинька, другъ мой сердечный, спасибо за два письма, только для чего ты мнѣ ничего не приказала съ Ниволаемъ Петровичемъ; онъ сегодня прїѣхалъ. Варинька, моя милая, я тебя люблю, какъ душу... Посылаю тебѣ огурцовъ; о купцѣ еще неладится; буду еще просить; ему было отъ (государыни) отказано прежде еще. Теперь сказала, что послѣ еще со мной поговорить; стараться всячески стану, всячески просить.

„Прости, мой ангелъ, цѣлую тебя.

„Варенька, ты дурочка и каналья неблагодарная; можно-ли тебѣ сказать: Варинька не можетъ, а Грипинька ничего не чувствуетъ? Я за это, пришедши, тебѣ уши выдеру. Матинька, пожалуй, не будь докторомъ сама себѣ; кровь пустить не мѣрено, только можно этимъ худо сдѣлать.

„Льва Александровича я сегодня увижу и скажу.

„Варинька, моя жизнь, красавица моя, божество мое; скажи, моя душа, что ты меня любишь, отъ этого я буду здоровъ, веселъ, счастливъ и покоенъ; моя душа, я весь полонъ тобою, моя красавица. Прощай, цѣлую тебя всю.

„Красавица, ангелъ; тебѣ-ли остается мнѣ изъяснить, что ты достойна любви моей. Душа моя, любовница нѣжная. Побѣда твоя надо мною и сильна, и вѣчна. Если ты меня любишь — я счастливъ, а ежели ты знаешь, сколько я тебя люблю, то не остается тебѣ желать чего-либо больше. Другъ, я тебѣ вѣчно преданъ...

„Сударка, я очень мучился во всю ночь головою; теперь лучше; приду уже тебя цѣловать.

„Матушка, жизнь моя. Не забуду, конечно, говорить объ локоняхъ, тѣмъ больше, что это тебя утѣшаетъ. Я не смѣлъ къ тебѣ писать; мнѣ казалось, что я подъ гнѣвомъ; потому что вчера съ Зомеромъ весьма сухо приказала, что ты такъ хочешь. Ты мнѣ, мой ангелъ любезной, вчера приказала, чтобъ я о тебѣ вспомнилъ. Красавица моя; могу-ли я забыть когда-нибудь душу свою. Варинька любезная, ты живешь въ моемъ сердцѣ и будешь тамъ вѣчно. Цѣлую тебя, жизнь моя.

„Государыня сегодня изволила кровь пустить, и потому не встаети ее беспокоить. Что голова болитъ, о томъ жалѣю, а еще больше, что цѣлый день тебя не видалъ. Пойду къ государынѣ и послѣ къ вамъ зайду.

„Жизнь моя, Варинька; у меня такъ болѣла грудь, что я отъ роду этакова мученья не имѣлъ, завтра буду въ городѣ; прости, моя душенька; пріѣзжай ко мнѣ въ лѣтній (дворецъ) обѣдать.

„Варинька, голубушка; я, какъ собака, не могу;¹⁾ всю ночь не могъ уснуть и за столъ не пойду. Какова ты, жизнь моя? Завтра, послѣ обѣда, буду. Прости, душа милая. Цѣлую тебя.

„Варинька, жизнь моя, ангель мой. Я завтра буду въ городѣ, и теперь хочу знать, какова ты, жизнь моя? Отпиши, голубушка, гдѣ ты завтра будешь у меня—въ Аничковѣ или во дворцѣ. Прости миленькая, цѣлую тебя.

„Варинька, душенька; я пріѣхалъ и голова такъ закружилась, что насилу дошелъ до комнаты. Я чрезвычайно хилъ сталъ. Г(осударыня) вышла и все вверху, а я одинъ лежу. Моя жизнь, прости, цѣлую тебя, сударка моя, душенька моя; посылаю тебѣ мое благословеніе и Надеждѣ Васильевнѣ.

„Варюшечка, душа моя, не смѣй не мочь;²⁾ я за это высѣку. Сударушка моя, я видѣлъ тебя во снѣ; очень хорошо. Ужо одѣнусь и приду тебя цѣловать.

„У меня, голубушка, голова болитъ и грудь не такъ, какъ вчера. Прости, сударка, я тебя цѣлую безъ счету.

„Можно-ли, Варинька, ты сегодня не вспомнила меня и не пришла провѣдать?

„Варинька, мой другъ безцѣнной, душа моя, какова ты?.. а я за немогъ вчера; все тошно мнѣ, да голова болитъ; сегодня думаю входить. Прости, моя жизнь, цѣлую тебя.

(1778).

„Варинька, жизнь моя, здорова-(ли); съ Новымъ годомъ, будь здорова и люби меня такъ, какъ я тебя люблю, жизнь моя, другъ безцѣнной; цѣлую тебя.

¹⁾ Нездоровъ.

²⁾ Быть нездоровой.

„Варинька, жизнь моя, что вчера было-ли что—скажи мнѣ, куколка моя; цѣлую тебя 22 миллиона разъ.

„Варинька, другъ мой любезный, жизнь моя, красавица, хочется цѣловать тебя. Голубушка, пишу къ тебѣ для того, что мнѣ пріятно заниматься тобою; ручки мои безцѣнные. Для чего я не могу ихъ имѣть всегда при себѣ?

„Матинька; я спѣшу одѣваться и къ тебѣ зайду.

„Варинька, душа моя, я слабъ чрезвычайно; приди мой ангелъ. Пушкина указъ подписанъ.

„Варинька, душа моя, Наталья Кирилловна прислала меня просить Христомъ Богомъ, чтобъ я пріѣхалъ на минуту. Она имѣетъ комисію весьма важную отъ отца до меня. Какъ прикажешь?

„Голубушка моя, Варинька, я не думаю, чтобы государыня стала сегодня слушать, потому что пошла къ великой княгинѣ. Душа моя, жизнь моя; я тотчасъ приду къ тебѣ.

„Голубушка, у меня голова очень болитъ; къ Барятинскому пошлю; Пушкина письмо отдамъ, а тебя люблю, какъ душу.

„Варинька, матинька, лучше проходиться; послушай меня, приди, мой другъ, ко мнѣ.

„Варюшенька, мой ангелъ, приди ко мнѣ въ шубкѣ, и, когда будетъ время, я за тобой пришлю.

„Голубушка, душа моя, В(аря), я не очень хорошо спалъ; однакожь теперь получше. Я пойду провѣдаю; выдетъ-ли государыня и тебѣ скажу. Жизнь моя, цѣлую тебя безъ счету.

„Матушка, жизнь моя В(аринька) безцѣнная. Когда ты хочешь выйти? поутру или послѣ обѣда. Ежели къ вечеру, то я выйду, а теперь не думаю, чтобы поспѣлъ.

„В(аринька), душа моя, мнѣ упомянуть имя твое пріятно. Красавица моя любезная; цѣлую тебя всю съ ногъ до головы. Мой ангелъ, для чего шуба счастливиѣ меня!

„Ангель мой безцѣнной, я недавно проснулся и здоровъ; приду цѣловать тебя, моя душа, любезная В(аринька), ты мое здоровье и жизнь.

„Матушка милая, божественная Варюшка. У меня будешь кушать, коли стола (придворнаго) не будетъ и поѣдемъ на гостиную дворъ. Сударка, какъ я тебя люблю; ежелибъ ты могла знать.

„Милушка, жизнь моя; здорова-ли ты, красавица моя. В(аринька) душенька, люблю тебя безъ мѣры.

„Матушка, ангель мой, душа моя, я такъ заспался, что только теперь лишь опомнился. О государынѣ узнать теперь еще нельзя. а какъ скоро можно будетъ, то спрошу и тебѣ скажу. Мой ангель, щечки мои румяныя; цѣлую тебя, мою любезную.

„Варинька, жизнь моя, я ночью чуть не умеръ. Однакожъ черезъ силу выйду и ежели тебя, мой ангель, увижу также авантажна, какъ вчера, то буду радъ. Голубушка моя, все ты на умѣ.

„Матушка, жизнь моя В(аринька), божество мое, я бы чрезвычайно радъ былъ, еслибъ ты завтра вышла и была бы такъ авантажна, какъ сегодня. Прости, мой ангель, я тебя столько цѣлую, сколько люблю.

„В(аринька), ангель мой, душенька моя. Улыбнись, красавица; люблю тебя до безконечности и цѣлую безъ счету.

Варвара Энгельгардтъ — Потемкину.

(Весьма нечетко и торопливо). „Папа, жизнь моя, очень благодарю за подарокъ и письмо, которое всегда буду беречь. Ахъ, мой другъ папа, какъ я этому письму рада! Жизнь моя, приѣду ручки твои цѣловать.

„Жизнь моя, я очень о васъ беспокоюсь; Христа ради скажите мнѣ, есть-ли вамъ легче? я все ждала отъ васъ, какъ вы сами мнѣ обѣщали прислать, но недождалась, то посылаю къ вамъ. Бога ради,

жизнь моя, напишите ко мнѣ. Прощай, мой любезный ангелъ, буду ждать съ нетерпѣніемъ твоего отвѣта, а между тѣмъ, прости еще, мой любезный другъ; въ мысляхъ тебя цѣлую миллионы разъ; пріѣзжай, мой ангелъ, къ намъ, если ты здоровъ, а ежели нѣтъ, то не ѣзди, мое сокровище, а прикажи мнѣ къ себѣ быть. Прости, душенька. еще тебя цѣлую.

„Ради Бога. батюшка, князь Григорій Александровичъ, зайдите на минуту; я не ѣду безъ того, чтобы съ вами непомириться; Богъ съ вами, я, можетъ быть, однимъ словомъ досадила, а вы вспомните, что цѣлымъ письмомъ меня разругали, да въ прибавокъ сказали: „чортъ съ вами“, то, какъ это слово пріятно; придите, голубчикъ, ради Бога, мнѣ пора ѣхать.

„Напрасно вы меня такъ ласкаете, я уже не есть та, которая была; еще бы вы больше меня дурачили сегодня, въ угодность кому-нибудь. Послушайте, я теперь вамъ серьезно говорю, если вы помните Бога, если вы, когда нибудь, меня любили, то, прошу васъ, забудьте меня на вѣки, а я ужъ рѣшилась, чтобы оставить васъ. Желаю, чтобы вы были любимы тою, которую имѣть будете; но, вѣрно знаю, что никто васъ столь же любить не можетъ, сколько я дурачилась понапрасно; радуюсь, что въ одну минуту узнала, что я только была обманута, а не любима вами; знайте, что я, разставшись съ вами, не забываю; но еще чувствительнѣе мнѣ въ тысячу разъ съ вами разстаться.

„Къ чему вы меня просите, чтобы я съ вами помирилась; я никогда не выйду изъ благопристойности; буду съ вами такъ, какъ я вчера сказывала, только не такъ, какъ прежде, и сколько я вами ни огорчена—я все забываю. Богъ съ вами; не думайте, чтобы вы не вспомнили когда-нибудь меня; а я желаю вамъ всегда, чтобы вы были покойны и веселы; чтобы вы нашли ту же любовь отъ тѣхъ, къ кому вы такъ привязаны, какъ я разсмотрѣла. Простите, Богомъ васъ еще прошу, забудьте меня, а я никакъ уже не перемѣню того, что сказала.

Изъ этого письма можно было предполагать, что причиною размолвки былъ отъѣздъ Потемкина въ Новороссійскій край. Такъ думала и императрица, видя холодныя отношенія дяди къ недавно милой племянницѣ. Принимая въ ней участіе, государыня писала Потемкину:

„Слушай, голубчикъ, Варинька, очень не можетъ: si c'est votre départ qui en est cause, vous avez tort (если отъѣздъ вашъ тому при-

чиною — вы не правы); уморишь ее, а она очень мнѣ мила становится; ей хотятъ кровь пустить“.

На самомъ же дѣлѣ Барвара Васильевна радовалась случаю прервать съ дядею прежнія, слишкомъ дружелюбныя сношенія обративъ всю вину на него же самого. Обоюдныя клятвы въ «вѣрности до гроба», въ особенности со стороны двадцатилѣтней красавицы сорокалѣтнему мужчине, оказались несостоятельными. Барвара Энгельгардтъ увидѣла другого, молодого красавца — князя Сергѣя Ѳедоровича Голицына — плѣнилась имъ, какъ и онъ ею. До времени сохраняя въ тайнѣ свою любовь, племянница Потемкина не хотѣла лицемѣрить и обманывать дядю и въ то же время желала остаться правою въ его глазахъ. Эта мысль еще яснѣе проявляется во второмъ ея письмѣ — слѣдующаго содержания:

„Ну, теперь уже все кончилось; ожидала я этого всякую минуту. съ мѣсяцъ назадъ, какъ я примѣчала, что вы совсѣмъ не таковы противъ меня, какъ были прежде. Что же дѣлать, когда я такъ несчастлива? Не скажу я вамъ, чтобы мнѣ это было легко; самъ Богъ все видитъ, и пускай онъ насъ съ вами разбираетъ; тѣмъ больше оно мнѣ чувствительно, что отъ васъ я столько огорчена; я не думаю, чтобы вы этимъ утѣшались. Пускай любви вашей ко мнѣ нѣтъ, да по крайней мѣрѣ, сколько-нибудь, честь въ васъ останется. Пошлю къ вамъ всѣ ваши письма, а васъ прошу, если помните Бога, то пришлите мои; я не думаю, чтобы вы этого для меня не сдѣлали. и въ самое то время, когда я не чувствовала, что меня обманываютъ, а судя по себѣ, считала, что я равно любима, то и тогда видѣла, что они для васъ не такъ нужны были, то пожалуста пришлите: вмѣстѣ съ тѣмъ, какое вамъ удовольствіе, если ихъ всѣ читать будутъ? Я не думаю, чтобы вы до того противъ меня были дурны, чтобы захотѣли сказать, какъ о томъ, что прежде было; впрочемъ, какъ хотите, я васъ о нихъ не прошу. Я очень чувствую, что дѣлала дурно, только вспомните, кто этому причиною? Прощайте, батюшка, повѣрьте, что я всегда вамъ желаю всего хорошаго; это со мною на вѣки останется, только прошу васъ, и сама стану стараться васъ обогатить; да можетъ быть, по существу вашему, вы скоро меня не увидите: дай Богъ вамъ веселиться столько, сколько я буду плавать. Не забудьте про письма — я ихъ жду. Прощайте, жизнь моя, это въ послѣдній разъ вы получите отъ меня, больше я уже васъ безо-

контъ не буду; впрочемъ, будьте увѣрены, что я не забуду во весь мой вѣкъ, что я вами несчастлива. Простите“.

Потемкинъ однако же не сдѣлался жертвою мистификаціи хитрой дѣвушки; при всемъ ея стараніи отъ него не укрылась тайна ея сердца, но въ данномъ случаѣ сорокъ лѣтъ его возраста и глубокое знаніе женскаго сердца принесли свою пользу. Недавно страстный обожатель отнесся къ дѣлу съ спокойствіемъ благоразумія и въ ея письму въ своемъ архивѣ «приобщилъ» слѣдующее посланіе, писанное къ Варварѣ Васильевнѣ ея женихомъ — княземъ С. Θ. Голицынымъ:

„Отдай, душенька, Варвара Васильевна, письмо, приложенное къ сему, к(нязю) Григорію Александровичу.

„Хочется, душенька, одинъ разъ въ жизни, испытать мнѣ опытомъ дружбу твою ко мнѣ. Въ субботу выйдетъ армейская перемяна, (т. е. производствомъ, сколько мнѣ извѣстно, то нѣкоторое число и полковниковъ поступать въ генерал-майоры. Я письмомъ просилъ вчера съ князя, чтобы онъ вошелъ въ мое состояніе и исходатайствовалъ мнѣ чинъ бригадира, изъявляя при томъ ему и то, что ежели я останусь при со-вѣтѣ, то переименованіе меня въ чинъ армейскій зависти и досады сдѣлать не можетъ. Судьба моя быть несчастливою, или потому, что другіе того же хотятъ, чего и я, или я самъ не знаю почему. Михайло Сергѣевичъ ¹⁾ былъ въ ровномъ со мною положеніи, но соизволеніе князя Григорія Александровича измѣнило состояніе его. Надобно для моего счастья, чтобы к(нязю) Григорій столько же захотѣлъ сдѣлать мнѣ милость, сколько онъ обыкновенно хочетъ въ то время, когда онъ дѣлаетъ что-нибудь. Но на сіе я не столь счастливъ, чтобы самъ собою могъ довести. Чѣмъ преданность моя къ нему болѣе стремится, тѣмъ меньше можетъ быть примѣчается она.“

„Отдавъ письмо, приложенное, ему; употреби свою просьбу обо мнѣ столько же, сколько ласка твоя и любовь ко мнѣ тебѣ позволить; я сегодня въ вечеру въ городъ буду и тебя увижу; увижу также и то, что въ правду-ли ты любишь меня или нѣтъ“.

Свадьба Варвары Васильевны Энгельгартъ съ княземъ С. Θ. Голицынымъ была въ январѣ 1779 года. Досада Потемкина была непродолжительна: онъ постоянно благоволилъ имъ, покровительствовалъ мужу, исполнялъ по возможности просьбы о протек-

¹⁾ Потемкинъ.

ціяхъ — жены, а 28-го февраля 1783 года былъ воспріемникомъ сына ихъ Сергѣя. Изъ слѣдующаго письма княгини Варвары Васильевны Голицыной видно, что она воротила даже всю прежнюю пріязнь къ себѣ своего дяди:

„Папа, жизнь моя, душа моя, я проѣхала 8 дней: дорога не хороша, снѣгу множество; здѣсь (въ Могилевѣ) ночевала и обѣдала тутъ; ѣду въ Кричевъ. Я три письма къ тебѣ писала, не знаю получили-ли ты нельзя? сказать, чтобъ я лучше была; пріѣзжай, дружокъ, скорѣй, мнѣ безъ тебя ужасъ какъ скучно; я здорова, цѣлую ручки твои; прошу тебя, папа, чтобъ ты меня помнилъ; не знаю отчего мнѣ кажется, что ты меня забудешь — жизнь моя, папа, соврѣще мое, цѣлую ножки твои, дочка твоя — кошечка Гришинькина“.

„Папа, не забудь, жизнь моя, ты обѣщала къ себѣ взять сына Николая Богдановича въ адъютанты. Они меня просили васъ попросить; да не забудь, миленькой, пожалуйста, жизнь моя: я думаю онъ сдѣланъ, ты самъ мнѣ сказалъ, а я ему сказала; то они будутъ думать, что я лгуныя. Прости душа моя“.

(Продолженіе слѣдуетъ).